

ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
Н.А. ЛАКОБА

НЕСТОР

Альманах

№ 4

Сухум, 2024

УДК 93/94(050)
ББК 63.3(5Абх)6я54
Н 56

Главный редактор
С.З. Лакоба

Редакционная коллегия:
Н.Д. Ашуба, А.Я. Дбар (отв. секретарь), А.Р. Латария

НЕСТОР. Альманах. № 4. Сухум, 2024. – 108 с.
Г/р 978-5-111-10022

«**Нестор**» – альманах Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба, в котором публикуются историко-публицистические материалы по абхазской тематике, в основном, 20–30-х гг. XX века.

Верстка – *К.И. Бигвава*
Обложка – *А.З. Лабахуа*

Фото на обложке:
В 1933–1935 гг. в Сухуме построена гостиница «Абхазия»
(архитекторы А.В. Щуко и В.Г. Гельфрейх)
и высажена аллея пальм «Вашингтония»

Формат 60x90 1/16. Тираж 100 экз.

© Историко-мемориальный музей Н.А. Лакоба, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Неизвестное о прошлом

Станислав Лакоба. Особенности политических событий в Абхазии в контексте традиционной культуры (1918–1921 гг.) 5

Хроника, факты, события 28

По страницам старых газет

Лаврентий Берия: легенды и факты 30

Из личного архива Нестора Лакоба

Письмо журналиста и разведчика П. Павленко 38

Из наследия акад. Н. Вавилова

Письма Нестору Лакоба 39

Нестор: хронология смерти 43

Русские писатели в Абхазии

Николай Блохин. Михаил Булгаков в 1936-м (*фрагменты статьи*) 44

«От подножия гор Абхазии» (*О писателе В. Шишкове*) 50

О седой девчонке, напомнившей Джульетту Мазину (*В. Бубнова и А. Твардовский*) 63

Тайны разведки

Александр Куланов. Дело «баронессы де Сталь» 67

Сухумский период «мадам Шталь» 74

Воспоминания

Сократ Джинджолия. Неизбалованный судьбой ученый 79

Владимир Зантария. «Дневники» Б.В. Шинкуба: сквозь призму событий 84

<i>Стихи</i>	
Юрий Лакербай. Эскадрон Лакобы	95
Александр Бардодым. Памяти «Киараза» и Нестора Лакобы	96

<i>Из прошлого</i>	
Братья Аимхаа	98

<i>Фотоархив</i>	101
------------------------	-----

<i>Хроника</i>	103
----------------------	-----

<i>Новые книги</i>	104
--------------------------	-----

Станислав ЛАКОБА

**ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
СОБЫТИЙ В АБХАЗИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ (1918–1921 гг.)**

I.

Драматические события в Сухуме 16–21 февраля 1918 г. сыграли огромную роль и предопределили дальнейший ход политической истории Абхазии. Одним из первых коснулся этой неоднозначной проблемы профессор Г.А. Дзидзария, который в соответствии с требованиями советского времени осветил происшедшие события с идеологической точки зрения¹. Однако, важные детали случившегося не стали предметом анализа и тщательного исследования, в то время как они могут пролить свет на многие обстоятельства:

- почему «закодорские» абхазы не поддержали выступление большевиков в Сухуме в феврале и весной 1918 года;
- какова была роль первого Абхазского Народного Совета;
- какие действия председателя Военно-Революционного комитета (ВРК) в Сухуме вошли в противоречие с традиционными представлениями народа;
- как обстоятельства февраля 1918 г. повлияли на дальнейшую политическую судьбу большевистских лидеров Абхазии.

Фабула тех февральских событий 1918 г. развивалась следующим образом. Об этом следует сказать хотя бы тезисно.

Накануне инцидента, 15 февраля, на сухумском рейде стал большевистский крейсер «Дакия», который шел из Трапезунда в Севастополь. До этого команда корабля была замечена в пьяных дебошах и грабежах, «наводя страх и ужас на все Черноморские города» – Трапезунд, Батум, Ялту. Более месяца матросы торговали военным сна-

¹ См. об этом подробнее: Дзидзария Г.А. Очерки истории Абхазии. 1910–1921 гг. Тбилиси. 1963. С. 121–129; Дзидзария Г. Ефрем Эшба. Сухуми. 1983. С. 32–35.

ряжением и беспредельничали на побережье. По сообщению Сухумского городского головы В. Чхиквишвили от 21 февраля 1918 г. эта же команда «Дакии» при «прошлых рейсах два раза нападала и грабила в Сухуме дачу Рукавишников»¹.

Высадившись шумной толпой на берег, матросы встретили на бульваре солнечным днем 16 февраля поручика Абхазской сотни «Дикой дивизии» Николая Эмухвари и попытались сорвать с него погоны. Одна рука офицера не действовала после ранения на фронте в 1915 г., однако он умудрился выхватить револьвер и убить одного и ранить другого матроса. После случившегося Эмухвари скрылся. В городе начались волнения. Большевики Е. Эшба, Г. Атарбеков, Н. Сванидзе 16 февраля решили воспользоваться ситуацией и взять власть в городе в свои руки. Они вступили в переговоры с военным гарнизоном (Н. Юрков), затем связались с матросами крейсера «Дакии», которые предъявили ультиматум: передать власть ВРК во главе с Эшба, немедленно разыскать Н. Эмухвари и выдать денежную контрибуцию семье убитого матроса, в противном случае город подвергнется бомбардировке. Не дожидаясь ответа, крейсер, перегруженный людьми, вечером 16 февраля ушел в Новороссийск. На следующее утро, 17 февраля, в Сухум из Батума прибыл миноносец «Дерзкий». Подходя к городу, большевистская команда произвела несколько орудийных выстрелов. Миноносец пришвартовался кормой к концу деревянной пристани (ныне район «Пингвина») и высадил морской десант из 70-ти вооруженных матросов. Моряки связались с Эшба и потребовали выполнения ультиматума. Власть мгновенно перешла от меньшевиков к Совету рабочих и солдатских депутатов и ВРК во главе с Эшба (Г. Атарбеков, С. Кухалейшвили, Н. Сванидзе, А. Перов и др.). В этой неразберихе в составе ВРК оказались городской голова Сухума, меньшевик В. Чхиквишвили и председатель Абхазского Народного Совета (АНС) Симон Басария, которые не поддерживали действия революционного комитета².

Матросы во главе с председателем судового комитета П. Грудачевым (П. Гудаев) заняли гостиницу «Бристоль» (ныне здание Абхазского пароходства) и расставили вооруженные патрули вдоль набережной до гостиницы «Сан-Ремо» (ныне «Рица»), где обосновался ВРК и военный штаб красной гвардии во главе с Н. Юрковым. Накануне ВРК напечатал Бюллетень № 1 «К товарищам и гражданам!»,

¹ ЦГАА. Ф. И-4. ОП. 1. Ч. II. Д. 256. Л. 2-11.

² ЦГАА. Ф. И-4. ОП. 1. Ч. II. Д. 256. Л. 2-11.

в котором призывал принять самые решительные меры к розыску и выдаче Эмухвари. Сухум был объявлен на осадном положении. В селе Дранда группой мегрельских крестьян были задержаны офицер Н. Эмухвари и его молочный брат Смел Бадия. Сначала их привели на допрос к Эшба в «Сан-Ремо», но затем, опасаясь, что они могут быть освобождены многочисленными сторонниками и всадниками Абхазской сотни, их под конвоем матросов препроводили вдоль набережной на миноносец «Дерзкий». Среди сопровождавших был и Эшба. Неожиданно, когда пленников уже вели по трапу, Н. Эмухвари выхватил из рукава черкески маленький браунинг и произвел несколько выстрелов, в результате чего был убит старший унтер-офицер Коновальчук, а первый выстрел предназначался Эшба... Задержанных схватили. Н. Эмухвари и С. Бадия были убиты. Скоро миноносец с телом погибшего Коновальчука ушел в Севастополь.

Серьезное брожение началось среди населения закодорской Абхазии, которые не остались равнодушными к убийству земляков. Вечером 17 февраля Абхазский Народный Совет (С. Басария) предъявил ультиматум: опубликовать фамилии лиц выдавших Эмухвари и Бадия, расформировать караульную роту, ликвидировать ВРК. Большевики отклонили эти требования. На помощь к ним 18 февраля пришел крейсер «Король Карл», прилетели большевистские гидропланы, которые бомбардировали город. 20 февраля крейсер покинул Сухум. В этот же день, представители меньшевистской власти вошли в город. Сразу же после убийства Эмухвари и Бадия, Эшба, Атарбеков, Сванидзе и др. отбыли на корабле в Батум. Первая попытка установить советскую власть провалилась буквально через три дня.

В Сухуме был сформирован меньшевистский «Комитет общественной безопасности» (В. Чхиквишвили), который принял всю полноту власти, опираясь на «Сухумский военный легион».

II.

В феврале 1918 г. Ефрему Эшба еще не было 25-ти лет, а он уже был видным революционером, членом большевистской партии с 1914 года. Идеи марксизма, классовой борьбы глубоко укоренились в его сознании. Выходец из дворянской семьи села Бедиа Самурзаканского участка (езда), он с детства рос и дружил с князем Николаем Эмухвари, который был всего на два года младше него. Есть свидетельства, что они были больше, чем родственниками – молочными братьями (записано мною в Сухуме в 1989 г. со слов Татьяны Тарасовны Анчабадзе, жены Николая Акиртава).

Эшба, недоучившийся студент юридического факультета Московского университета, в марте 1916 г. был арестован охранным отделением по политическим мотивам и исключен с 4-го курса. В годы пока Ефрем учился в университете, прапорщик Николай Мелитонович Эмухвари (28.03.1895–17.02.1918) в ноябре 1915 г. особо отличился в спасении 2-й сотни Татарского полка, под командованием которого действовали всадники Абхазской сотни Черкесского полка «Дикой дивизии» (Хамжир Тарба, Михаил Чирикбая, Константин Когония, Василий и Теймураз Лакоба и др.)¹.

За отличия в делах против неприятеля 20-летний князь Н. Эмухвари 5 ноября 1915 г. был награжден орденом Св. Анны 4 степени «За храбрость». В бою 29 сентября 1915 г. он был контужен в результате артиллерийского обстрела, но остался в строю².

Минуло всего несколько лет как не виделись друзья детства Ефрем (домашнее имя Дуру) и Николай. Судьба снова свела их в родной Абхазии, но между ними пролегла пропасть непонимания. Еще ведь совсем недавно студент Эшба, находясь на каникулах в селе Бедиа, получил в подарок от Николая маленький пистолет «Смит и Вессон», найденный у него при обыске охранкой в Москве. Ефрем тогда показал, что он привезен им из Абхазии, – «подаренный Николаем Эмухвари»³.

В феврале 1918 г. это уже были не родственники, не друзья детства, а враги. Революция, Гражданская война разделила семьи, самых близких людей. Даже внешне они контрастировали. Николай был царским офицером, в черкеске, при погонах, в папаче, с оружием и поврежденной на фронте рукой. По свидетельству П. Грудачева (П. Гудаева), председателя судебного комитета большевистского миноносца «Дерзкий», Ефрем выглядел иначе. «На окраине города, – пишет Грудачев, – мы встретили председателя Военно-Революционного комитета г. Эшба, это был молодой человек в зеленой студенческой форме». В разговоре о положении в городе «Эшба заявил, что Ревком находится в неудобном месте за городом, около тюрьмы». Через час революционные матросы миноносца «Дерзкий» освободи-

¹ См.: Цвижба Л.И. Абхазы на фронтах Первой Мировой войны (1914–1917). М. 2021. С. 95–96, 140.

² Цвижба Л.И. Там же. С. 155, 170.

³ См.: Е.А. Эшба – славный сын абхазского народа. Документы и материалы / Составитель Д.Т. Ачугба. Сухум. 2010. С. 103.

дили гостиницу «Сан-Ремо» [ныне гостиница «Рица»], где расположился ВРК. «Для рабочего кабинета Эшба занял комнату на втором этаже со средним балконом»¹.

Февральские события 1918 г. колоритно описал проф. Г.А. Дзидзария. Моряки с крейсера «Дакия» сошли на берег. «Прогуливаясь по набережной, группа моряков увидела офицера с погонами. Это был офицер абхазской сотни князь Николай Эмухвари. Матросы окружили офицера и потребовали:

- А ну, скидай погоны, царский холуй, а то сами снимем!
- Не вы мне их дали, не вам и снимать их, – ответил Эмухвари.
- Ах ты!..

Один из матросов рванул с плеча Эмухвари погон. У Николая Эмухвари рука была контужена, но он обладал силой и проворством. Он мгновенно выхватил наган и в упор выстрелил в матроса, затем бросился бежать...

Вскоре Николай Эмухвари был задержан и предан суду. Собрались множество людей – горожан, солдат, крестьян из окрестных сел, женщин, каждому хотелось своими глазами увидеть небывалое: как будут судить князя. Председательствовал на суде Ефрем Эшба. Когда Николая Эмухвари ввели под конвоем, глаза их встретились. Когда-то Николай и Ефрем были друзьями. То было в детстве, в родном селе Бедиа. Теперь они не дети. В жизни каждый из них выбирал себе дорогу... Как ни тяжело было на душе у Ефрема, но он сумел преодолеть в себе естественное чувство жалости к другу детства. Классовая борьба разделила их, сделала непримиримыми врагами. По решению суда, Николая Эмухвари передали на миноносец «Дерзкий»... Позже стало известно, что князь и там, внезапно выхватив спрятанный в рукаве черкески браунинг, убил еще одного матроса»².

Непосредственным очевидцем трагических событий был примкнувший к большевикам начальник Сухумского военного гарнизона Н. Юрков. «Военно-Революционный Комитет, – пишет он, – помещался в гостинице “Сан-Ремо”. Суд над Эмухвари в тот день не был закончен... При сопровождении Эмухвари на миноносец [“Дерзкий”] ему и арестованному вместе с ним – молочному брату Бадиа кто-то передал револьвер Браунинг. Когда их вели вниз по трапу Эмухвари незаметно достал револьвер и выстрелил в т. Эшбу, но

¹ Абхазский государственный музей, АГМ. Ф. 4. ОП. 1. Д. 69. Л. 47–48.

² Дзидзария Г.А. Ефрем Эшба. С. 33–34.

промахнулся и тот обжег левую руку, а затем вторым выстрелом был убит в затылок староста экипажа [Коновальчук]. Эмухвари убежал в каюту». Он там заперся, и тогда матросы разбили иллюминатор и удушили его паром. Брата же Эмухвари убили на палубе. «Я наблюдал до конца»¹, заключает Н. Юрков.

Гибель Н. Эмухвари и его молочного брата С. Бадия всколыхнула всю Абхазию, особенно Кодорскую и Самурзаканскую ее части, где у погибших было много родственников. Караульная рота в Сухуме, всадники Абхазской сотни, депутаты первого Абхазского Народного Совета (АНС) крайне негативно отнеслись к произошедшему. Председатель ВРК Е. Эшба, Г. Атарбеков, С. Кухалейшвили и другие их соратники вынуждены были 20 февраля 1918 г. бежать в Батум на военном корабле. Покидавших Сухум большевиков с гостиницы «Ориенталь» [ныне «Ткуарчал»], обстрелял из маузера князь Мушта Маршания². К этому времени Баграт Гуния выпустил из Сухумской тюрьмы около 100 заключенных. «Т. Эшба, – пишет Н. Юрков, – сначала приказал мне открыть пулеметный огонь по выпущенным из тюрьмы, но в ту же минуту отменил приказание»³.

По свидетельству Исидора Каландия, тогда же обострилась «национальная рознь между населением Драндского участка и жителями Кодорского уезда». Это было вызвано тем, что начальник Драндского отряда Николай Начкебия получил телеграмму за подписью Эшба (Председатель ВРК) об аресте Эмухвари и «доставке его в штаб большевиков» в «Сан-Ремо». Начкебия поручил выполнение приказа И. Каландия и тот с группой из шести человек (А. Жвания, Ф. Тодуа и др.) задержали в селе Дранда Эмухвари и Бадия и «доставили в штаб большевиков»⁴. Интересно, что после случившегося они боялись возвращаться в Дранду и просили большевиков, чтобы им дали охрану на случай, если сторонники Н. Эмухвари и С. Бадия нападут на них⁵.

Следует обратить внимание и на свидетельство председателя судового комитета миноносца «Дерзкий» П. Грудачева о задержании Эмухвари и Бадия и их поведении на допросе в здании гостиницы «Сан-Ремо».

¹ АГМ. Ф. 3. ОП. 1. Д. 45. Л. 2; Участники освободительного движения в Абхазии. 1917–1921 // Сост.: А.Э. Куправа, А.Ф. Авидзба. Сухум. 2007. С. 350.

² АГМ. Там же. Л. 2–4.

³ Там же: Н. Юрков. 1918 г. в Сухуме.

⁴ АГМ. Ф. 4. ОП. 1. Д. 69. Л. 8.

⁵ АГМ. Там же. Л. 51.

На фото: Николай Эмухвари

«Сели за стол мы втроем, – пишет Петр Грудачев, – т.е. Атарбеков, Эшба и я, и посадив на другую сторону Эмухвари и Бадию, начали допрос. На мой вопрос князю Эмухвари, за что он убил матроса с крейсера «Дакия», он заявил, что «я не буду отвечать на ваши вопросы, вы не суд и не власть, и при том, почему вы, матросы, вмешиваетесь в наши внутренние дела, которые мы можем разрешить без вас?», говорил он непокорным голосом, не как арестованный и преступник, а повышенным и резким тоном, как равный с нами – и все время злобно смотрел на нас и на окружающих красногвардейцев и моряков... Вопросы Бадии не задавали и он сидел спокойным, не показывая своей озлобленности.

На все наши вопросы Эмухвари отвечал не по существу и очень неохотно. Во время допроса меня знаком руки из внутренней двери вызвал абхазец красногвардеец и сообщил, что на улице много собралось вооруженных, неизвестно откуда они взялись и якобы собирают-

ся отнять Эмухвари и Бадю. Я тогда вышел на балкон посмотреть улицу. Когда я увидел большое скопление вооруженных людей непосредственно у Ревкома, из них многие на лошадях, я вызвал на балкон Атарбекова и спросил – это твои люди? Атарбеков посмотрел и говорит: “Право, не знаю, откуда столько людей, у меня в отряде столько не было”. И мы тут же решили задержанных отвести на миноносец и там закончить допрос, но прежде чем вести их на миноносец, я послал на миноносец старшего офицера Коновальчука с заданием, чтобы он взял матросов и очистил улицу от людей, от Ревкома до пристани, – что было и сделано. Другого матроса послал на миноносец с заданием, чтобы зарядили пушки и пулеметы и навели в сторону города, на случай, если начнется бой при попытке отнять у нас арестованных...

Когда улица была очищена и матросы по дороге от Ревкома до пристани стояли редкой цепью для поддержания порядка – я объявил Эмухвари и Бадю, что мы их забираем на миноносец. Тогда Эмухвари говорит мне, что он не доверяет себя Атарбекову и Эшба, а только мне, и просил идти рядом с ним... Окружив их кольцом матросов и красногвардейцев, повели их на миноносец. Атарбеков, Эшба и я шли сзади арестованных и были ко всему готовые, держа оружие в руках...»¹.

Бурные дни февраля 1918 г. потрясли не только Абхазию. Символично, что именно в эти дни, 18 февраля 1918 г. сын последнего владетельного князя Абхазии, писатель Георгий Михайлович Шервашидзе опубликовал «Предсмертное обращение к Абхазскому народу», порицая губительные для страны и народа методы классово-борьбы, разобщение, которые только что были наглядно продемонстрированы в Сухуме.

Он писал:

«А кто же эти проповедники?

Книжные мальчишки, не считающиеся ни с историей и культурой своего народа, ни с законами, на которых держится весь мир и хотят ввести то, что они вычитали в нескольких книжках, не имеющих никакой почвы для нашей страны.

¹ АГМ. Ф. 4. ОП. 1. Д. 69. Л. 46–52.

Братья абхазцы!

Нет среди нас ни богачей, ни бедняков – у всех есть средний достаток и все мы, абхазцы, дворяне, князья и крестьяне, – родные братья – сыны одной нашей матери Абхазии»¹.

Буквально на следующий день, 19 февраля 1918 г. Г.М. Шервашидзе скончался, – «когда происходила терроризирующая жителей бомбардировка Сухума и когда население в паническом страхе бежало из города». В некрологе говорилось: «Во время бомбардировки гидропланов и страстной пальбы между красногвардейцами и взбунтовавшейся ротой большевиков, тело покойного было вывезено близкими в Моквы и там при большом стечении абхазцев предано земле в фамильном склепе»².

Силовая попытка большевиков, создание ВРК, мученическая гибель Н. Эмухвари и С. Бадия совпали со смертью Г.М. Шервашидзе, который являлся символом свободолюбивой Абхазии.

Потрясенный жестоким убийством, непосредственный очевидец произошедшего, друг и родственник князя Эмухвари, офицер и художник Константин Мурзаканович Лакербай (1889–1918), покончил с собой.

III.

В своей автобиографии 1934 г. Е. Эшба лаконично отметил: «В февралю [1918 г.] – неудачное вооруженное восстание (держались 3 дня)...»³.

После гибели Н. Эмухвари руководители ВРК опасались находиться в городе и с 18 февраля не покидали корабль «Король Карл», на котором 20 февраля отбыли в Батум. В те дни сообщалось, что со стороны Кодора идут «против большевиков 5000 вооруженных абхазцев», возмущенных расправой над их земляками. В 1922 г. Н. Лакоба писал: «В общем, меньшевистская провокация удалась и через 2–3 дня после захвата власти наши товарищи вынуждены были сдать свои позиции: небольшие большевистские вооруженные силы рассосалась в городе, а гг. Эшба и Атарбеков вынуждены были на время выехать из Сухума. Во время этих событий я находился в Тифлисе. В Батуме я узнал все подробности»⁴.

¹ АГМ. Ф. 3. ОП. 1. Д. 42. Л. 1; Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.) / Сост. Р. Гожба. Сухум. 2009. С. 7–8.

² Там же. Л. 2; Абхазия – документы и материалы... С. 8–10.

³ См.: Е.А. Эшба – славный сын... С. 95.

⁴ Участники освободительного движения в Абхазии. 1917–1921 гг. / Сост.: А. Куправа, А. Авидзба. Сухум. 2007. С. 19–20.

В Батуме 21–22 февраля 1918 г. состоялось совещание с участием М. Орахелашвили, Е. Эшба, Н. Лакоба, Г. Атарбекова, представителя Черноморского флота Иванова и был выработан план подготовки вооруженного восстания¹. С помощью военного транспорта Черноморского флота было решено доставить оружие из Батума в Гудауту.

Представитель военштаба Н. Юрков сообщал, что в Батуме он встретился с Н. Лакоба, Е. Эшба, М. Лакоба и получил от них 400 винтовок для доставки в Гудауту, а из Новороссийска на военном транспорте № 107 – привез 10 пулеметов Льюиса, 1 ручной пулемет, винтовки, 40 тысяч патронов и 10 вагонов ячменя².

В свою очередь, Эшба и Лакоба с военным грузом из Батума тоже направились в Абхазию. Перед отъездом им стало известно, что меньшевики (В. Чхиквишвили и др.) созывают 4–9 марта 1918 г. 2-й Крестьянский съезд. «Так как наш приезд в Абхазию совпал с открытием съезда, – пишет Н.Лакоба, – мы приняли следующее решение. Судно наше остановится на несколько минут в Сухуме, и я высажусь для рекогносцировки, а т. Эшба с оружием, сейчас же после моей высадки, отплывет в Гудауту, где предполагается организовать главный наш штаб. Так и сделали. Но съезда еще не было. Он предполагался только через 3-4 дня. В Сухуме я распространил листовки – «Правда о сухумских событиях», напечатанные нами еще в Батуме... Через несколько дней 2-й крестьянский съезд открывается в Сухуме. Большевики всячески препятствуют тов. Эшба приехать на съезд». Чхиквишвили старается убедить Эшба не приезжать на съезд, т.к. «личные враги по делу Эмухвари могут убить его». В связи с этим мы условились: «я еду на съезд, а он остается в Гудауте».³

На этом съезде Н. Лакоба был избран товарищем [заместителем] председателя, после чего едва не был арестован.

В результате многочисленных угроз в адрес Е. Эшба, связанных с гибелью Н. Эмухвари и С. Бадиа, Нестор Лакоба и созданная им гудаутская боевая дружина «Киараз» (декабрь 1917 г., с.Джирхва), взяли Эшба под усиленную охрану. В этих условиях Ефрем Эшба через гудаутскую газету «Воля вольных» 6 марта 1918 г. обратился с воззванием к делегатам 2-го крестьянского съезда, в котором, в частности, говорилось:

¹ Дзидзария Г.А. Ефрем Эшба. С. 35.

² АГМ. Ф. 3. ОП. 1. Д. 96. Л. 4–5.

³ Участники освободительного движения... С. 20.

«Я готов был приехать на съезд, мне очень хотелось указать крестьянским депутатам то, в чем я вижу единственный выход для революционного крестьянства Сухумского округа. Но враги мои приняли все меры, чтобы мое появление на съезд сделать невозможным. Этим я не хочу сказать, что я боюсь смерти, только я не хочу, чтобы из-за меня пролилась хоть капля крови и пострадало бы дело, которому я по силам служу, дело трудящегося народа... Я глубоко убежден, что ни земельная реформа, ни культурное строительство в Сухумском округе невозможны без мирного сожительства всех народностей, населяющих округ. Я глубоко убежден поэтому, что крупные землевладельцы-князья, в интересах сохранения своей собственности и привилегий, всеми имеющимися у них силами будут стараться натравить одну нацию на другую, чтобы в крови национальной резни потопить и земельную реформу, и свободу, и равенство, и сохранить свое старое положение...»¹.

По поводу своего обвинения в недавних трагических событиях Эшба отметил: «Случай 15 февраля [1918 г.] и последовавшие события ясно показали, что в Сухумском округе нет власти, авторитетной для всего народа»².

Для более ясного представления о случившемся в Сухуме и его последствиях, буквально взорвавших Абхазию и разделивших народ, достаточно обратиться к фрагменту из воспоминаний депутата АНС Михаила Ивановича Тарнава, которые относятся к февралю-марту 1918 г.

«Прибыв в Гудауту, – сообщает Тарнава, – и зная о существовавшем здесь движении «Кераза» и будучи до этого связан с руководителем его Н. Лакоба, – Ефрем Эшба рассчитывал на поднятие восстания против меньшевистской власти и захват власти большевиками. Так и случилось впоследствии. Но нужно отметить, что одновременно Эшба искал убежище для себя, после сдачи матросам офицера Эмухвари и его молочного брата Бадия. Дело в том, что и в Гудаутах, несмотря на господство здесь Н. Лакоба и его силы “Кераз”, Эшба скрывался и открыто и свободно не мог ходить всюду, как он хотел бы, потому что за ним охотились родные и близкие

¹ Цит. по: Дзидзария Г.А. Очерки истории Абхазии... С. 128.

² Борьба за Советскую власть в Абхазии / Сост.: Г.А. Дзидзария. Сухуми. 1957. С. 49–51.

переданных матросам Эмухвари и Бадия, чтобы отомстить, потому что они считали его лично, Эшба, виновным в гибели Эмухвари и Бадия. Вдобавок, лица эти и сам Эшба происходили из Самурзаканского участка, что еще более связывало мстящих и вызывало месть по местному обычаю. И сам Эшба лично этого боялся и всегда предостерегался, когда уже он в силу изменившихся обстоятельств впоследствии должен был перебраться в Сухум и бывать дальше в Самурзакани».¹

Положение, которое сложилось в Абхазии довольно точно обрисовал и свидетель тех событий С. Данилов в работе «Трагедия абхазского народа».

Февральскую революцию здесь встретили сочувственно, выступления же большевистских агитаторов «интереса среди абхазцев не вызывали». «Даже наиболее деятельные и энергичные абхазские коммунисты, как студент Е. Эшба, Н. Лакоба, М. Лакоба, М. Цагурия, К. Инал-ипа, не могли найти путей к сердцам абхазцев... Народ, веками живший своим собственным укладом, столь богатым обычаями и традициями («адат»), не поддавался на заманчивые пропагандистские лозунги. Несомненно, известную роль в отталкивании абхазского народа от этих лозунгов сыграли бесчинства матросов Черноморского флота (при посещении ими портов и прибрежных городов Абхазии), считавшихся коммунистами».²

В 1990 г. по поводу действий Председателя ВРК Эшба в феврале 1918 г., имевших отрицательные последствия, было высказано мнение, что произошедшее произвело тягостное впечатление на абхазское общество, так как Эшба и Эмухвари были не только близкими людьми (село Бедиа расположено на границе Кодорского и Самурзаканского участков), но и дружили с детства. Поэтому это резонансное убийство явилось одной из веских причин молчания абхазов Кодорского (Очамчирского) участка, которые не поддержали в феврале и весной 1918 г. Советскую власть».³

¹ Тарнава М.И. Воспоминания о революционном движении в Абхазии за 1917–1921 годы. Л. 91.

² Данилов С. Трагедия абхазского народа // Вестник Института по изучению истории и культуры СССР. Мюнхен. 1951. № 1. С. 127.

³ См.: Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми. 1990. С. 85, 72.

В апреле-мае 1918 г. советская власть продержалась 42 дня почти на всей территории Абхазии, за исключением Кодорского участка¹, в котором княжеско-дворянское влияние было гораздо сильнее, чем в Гудаутском участке, где доминировало крестьянство и «Киараз», а не высшее сословие.

Шаг, на который пошел Эшба в феврале 1918 г., возможно и вынужденный (во имя спасения города и его жителей от бомбардировки с военных кораблей), во многом предопределил его политическое будущее в Абхазии. В данном случае революционный марксизм вступил в крайнее противоречие с традициями народа, его менталитетом, восприятием мира, кровнородственными отношениями, которые не оправдывали его, казалось бы, гуманные действия, попирающие этические народные нормы, когда большевик 25-ти лет был поставлен перед выбором: друг детства и его родственник (Н. Эмухвари и С. Бадия) или спасение города? Со второй задачей удалось справиться, а вот с первой возникли непреодолимые препятствия. Действия Председателя ВРК носили очевидный классовый подход, и он не сумел избежать крайностей. Можно себе представить и эмоциональное состояние, воспитанного в традиционном абхазском духе, молодого князя, покалеченного в 20 лет на фронте, который еще совсем недавно подарил земляку Ефрему пистолет «Смит и Вессон» в память о совместном детстве и родственных отношений...

Похоже, что эта трагедия все же глубоко ранила Е.А. Эшба, и он, по прошествии времени, все чаще задумывался и глубоко переживал по поводу близких ему людей.

...Как ни старался Николай Эмухвари отшить от себя молочно-го брата Смела Бадия, чтобы тот не пострадал из-за него, – ничего не получалось. Смел был непреклонен и принял вместе с Николаем мученическую смерть.

Вот как описывает случившееся один из современников: «За Эмухвари увязался сын его кормилицы. Хотя и упрашивал его долго Эмухвари, рассердился даже на него: ты что, ненормальный, не знаешь, что ли, куда я иду, чего увязался, но сын кормилицы ответил: потому и иду, что знаю, потому и хочу быть с тобой»².

Это неординарное событие легло в основу пронзительного рассказа писателя Лео Киачели (Леон Шенгелая) «Хаки Адзба» (1933 г.),

¹ Дзидзария Г.А. Очерки истории... С. 143.

² Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.), С. 88.

а также отражено, правда, в искаженном виде, в сюжете новеллы «Даур и Сеид» Михаила Лакербай.

Как уже отмечалось выше, вторая попытка установления советской власти в Абхазии (8 апреля – 17 мая 1918 г.), хотя и считалась более успешной, однако и она, во главе с Е. Эшба, столкнулась с неожиданными трудностями. Некоторые депутаты первого Абхазского Народного Совета были настроены против большевиков и обратились за помощью к правительству Закавказья (отряд Красной гвардии во главе с Валико Джугели). Памятуя о недавних февральских событиях, на Кодоре этот отряд встретил влиятельный князь Таташ Маршания с пятьюстами вооруженными абхазскими всадниками. Однако социал-демократ В. Джугели (сначала большевик, а в это время меньшевик) подскочил к Таташу с угрозами и бранью: вы, мол, черносотенцы, и я иду на борьбу как раз против вас, намекая на его княжеское происхождение.

Вообще об этом сложном периоде очень интересно и проницательно говорится в статье «Начало отчуждения: Абхазия 1917–1920 гг.» (автор под псевдонимом «Друг»), опубликованной в 1931 г. в Германии в грузинской газете «Тетри Георгий» («Белый Георгий»). Потом ее перевели на русский язык и напечатали в газете «Кавказский акцент» в 2000 г.¹ Нужно отметить, что во всех публикациях сказано, что имя автора неизвестно. Однако, с полной уверенностью могу утверждать, что автором этой замечательной публикации является Эмухвари Владимир (Ладо) Константинович (1886–1961), выходец из с. Окум (Самурзакан), видный политический деятель, депутат Абхазского Народного Совета в 1918 г. Тогда он разочаровался в политике грузинских меньшевиков в Абхазии и вступил в ряды национал-демократической партии (Спиридон Кедия), в 1920 г. эмигрировал в Берлин, а в 1927 г. стал доктором права в Праге².

Свидетель очень многих политических событий 1918 г. Владимир Эмухвари («Друг»), важным эпизодом отчуждения абхазов от Грузии считает провальную встречу заносчивого В. Джугели с абхазским авторитетным князем Т. Маршания у р. Кодор. Тогда своей

¹ См.: Абхазия – документы и материалы... С. 75–92.

² См. о нем подробнее: Демьянов А.А. Записки об Абхазии и Грузии (1918–1921 гг.) / Сост.: С.З. Лакоба. Сухум. 2021. С. 174–176; Анчабадзе Ю.Д. Владимир Эмухвари: абхазский интеллектуал в эмиграции // Вестник АНА. Сухум. 2017. № 7. С. 55–65.

бестактностью он оскорбил князя и его отряд, которые были готовы присоединиться к ним. «Человек должен знать душевные качества абхаза, – пишет В. Эмухвари, – чтобы понять, как опозорены были те предводители, которые собрали пятьсот человек... Этих руководителей сочли они достойными [их] вести, а господин Джугели их принял так неуважительно и не посчитался с ними. Таким своим поступком В. Джугели оттолкнул от себя всех и жестоко обидел...»¹. Оттолкнул он и другого влиятельного князя А.Г. Шервашидзе, который с отрядом в 300 человек встречал В. Джугели в Очамчирах².

Кровопролитные бои на Кодоре продолжались, а 17 мая 1918 г. В. Джугели вошел в Сухум и советская власть пала. Что касается Маршания и Шервашидзе, то они уже были настроены против Грузии и стали обращаться за поддержкой в разные стороны: то к правительству Турции, то к северокавказцам и командованию Добровольческой армии.

IV.

Как уже отмечалось, первый председатель АНС С.П. Басария во время событий февраля 1918 г. в Сухуме входил в состав ВРК во главе с Е.А. Эшба, но у него была самостоятельная позиция, он не поддерживал действия большевистских матросов и самого руководителя ВРК, проводившего в жизнь принципы классовой борьбы и социального переустройства. Симон Басария был сторонником традиционного уклада жизни и единения абхазского народа. Ему были близки предсмертные предостережения Г.М. Шервашидзе, обращенные в воззвании к абхазскому народу – сохранять единство, традиции и не слушать недоучившихся пропагандистов, которые разделяют народ и приближают будущее к катастрофе. «...Первое восстание в феврале 1918 г., – писал Е. Эшба, – имело своей опорой матросов, рабочих Сухума и железнод., гудаутских крестьян (абхазцев) и крестьян-арендаторов в Гумистинском уезде (преимущественно мингрельцы). Вместе били общих врагов. На обеих сторонах были объединены разные национальности. Под влиянием кулаков и князей и шедших за ними националистич. и авантюристич. интеллигенции (вроде Басария) поднята была борьба за абхазское (княж.) преобладание; Абх. Нац. Совет противопоставлен Совету крестьянских и Раб. депутатов»³.

¹ Абхазия – документы и материалы... С. 84–85.

² Дзидзария Г.А. «Киараз». Сухуми. 1981. С. 39.

³ Цитирую по: И. Марыхуба. Ефрем Эшба. Сухум, 1997. С. 296.

Эшба не мог простить Симону Басария, что тот взял сторону Н. Эмухвари и С. Бадия, и от имени АНС потребовал от ВРК представить список лиц, виновных в выдаче матросам абхазцев, с которыми жестоко расправились. Нужно сказать, что тогда не только князья Г.М. и А.Г. Шервашидзе, Т. Маршания, многие Эмухвари, но и вся Абхазия, особенно Кодорская ее часть (кстати, Басария из села Кутол), весь народ, были возмущены произошедшим, в результате чего большевистское выступление в 1918 г. завершилось неудачей.

Раздражало Е. Эшба и тесное сотрудничество Н. Лакоба и С. Басария, которые ценили свои дружеские отношения. Симон Петрович высоко отзывался о Несторе.

Даже по прошествии ряда лет, в советское время, когда Эшба в 1925 г. работал в Москве, он попрекал Лакоба за то, что тот якобы «не заметил» выхода в свет реакционной националистической книжки пресловутого Басария «География Абхазии»...¹.

В эти годы Эшба редко приезжал в Абхазию. Только в 1930 г.² он посетил родное село Бедиа (Эшкыт), возмущался, что до сих пор не пойманы абреки братья Эмухвари, что эта «маленькая бандитская группа из 4-х человек (раньше было 2-е) возникла на почве кровной мести, затем – сюда прибавилась известная месть за “обиженных” князей...»³. Летом 1931 г., прибывшая из Москвы опергруппа чекистов, уничтожила братьев Эмухвари в селах Гуп и Моква.

С кровной мстью повсеместно велась борьба, на этот пережиток обращал внимание и Эшба, который был связан с ним недалеким прошлым и его опасения имели под собой реальную почву.

V.

Важным обстоятельством, особенно для Абхазии того времени, было то, что Е.А. Эшба, по его же признанию, к сожалению, не знал родной абхазский язык⁴. При этом он в совершенстве владел русским, знал мегрельский, грузинский и английский⁵. Воспитанием

¹ Имеется в виду популярная книга С. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале. 1923; См.: Марыхуба И. Ефрем Эшба. С. 306.

² Там же. С. 353.

³ Там же. С. 360, 317.

⁴ См.: Марыхуба И. Ефрем Эшба. С. 306.

⁵ Е.А. Эшба – славный сын... С. 18.

братьев и сестер Ефрема занималась его мама Марта Зурабовна Апакидзе, так как отец рано ушел из жизни.

Вместе с Николаем Акиртава (из села Чубурхинджи) они представляли «самурзаканскую ветвь» абхазских профессиональных революционеров. Басария называл их «просвещенными самурзаканцами»¹. По свидетельству Татьяны Тарасовны Анчабадзе (жена Н.Н. Акиртава), Ефрем и Николай были очень дружны, а говорили между собой на русском или мегрельском, так как не знали абхазский (записано мною в 1989 г. со слов жены Н. Акиртава). В Абхазии они фактически не жили, учились в Тифлисе, Москве, Харькове, оба в 1914 г. вступили в большевистскую партию, постигали азы марксизма, преследовались по политическим мотивам. С большим сожалением Ефрем Эшба отмечал, что он почти постоянно находился «вне абхазской среды (время работы в Абхазии 1 год в 17–18 г. и 1 г. в 21–22 г.)»².

Известно, например, его посещение села Лыхны, когда абхазские крестьяне так и не смогли с ним пообщаться на родном абхазском, что их сильно смутило и разочаровало...

Нет ничего удивительного в том, что он недостаточно хорошо ориентировался в местной среде, подходил ко многим проблемам с позиции классовости, не учитывал порой традиционные особенности патриархальной, в целом, крестьянской страны.

Среди «ветви самурзаканцев» было много влиятельных социал-демократов, в основном меньшевиков. Самым известным можно считать А.И. Чхенкели, который будучи депутатом от Сухумского округа (Абхазии) в IV Государственной Думе, после Февральской революции был одним из руководителей Закавказского комитета, а затем Закавказского комиссариата.

Известна, например, телеграмма из Сухума (видимо руководителя местных меньшевиков В. Чхиквишвили) на имя Акакия Чхенкели (тогда комиссар внутренних дел Закавказья) о событиях февраля 1918 г., вызывающем поведении матросов и инциденте с офицером Абхазской сотни Эмухвари³. В этот период здесь еще не было такого четкого разделения между «меньшевиками» и «большевиками», и они часто составляли одну социал-демократическую

¹ Басария С. Абхазия... С. 103.

² См.: Марыхуба И. Ефрем Эшба. С. 306.

³ АГМ. Ф. 4. ОП. 1. Д. 66. Л. 67; См. также: Документы по истории Абхазии. 1917–1921 гг. Тбилиси. 2021. С. 105–107.

партию. После Февраля 1917 г. «под руководством Н. Лакоба и Е. Эшба удалось одержать победу в трех участках Сухумского округа – Гудаутском, Самурзаканском и Кодорском»¹. В это время Ефрем Эшба был избран комиссаром Самурзаканского участка (до мая 1917), а Нестор Лакоба (март 1917) – комиссаром Гудаутского участка. Затем Эшба перебирается в Сухум, становится во главе большевистского комитета (С. Кухалейшвили, Н. Сванидзе, К. Макаров и др.), а в начале 1918 г. возглавляет вместо В. Чхиквишвили Совет рабочих и солдатских депутатов².

Судя по всему, Эшба поддерживал самые тесные отношения со своим знаменитым земляком, одним из лидеров грузинских меньшевиков А. Чхенкели (в 1918 г. возглавлял правительство Закавказской демократической федеративной республики (ЗДФР) и министерство иностранных дел). После провозглашения независимости Грузинской республики 26 мая 1918 г. занял пост министра иностранных дел³.

Будучи комиссаром ВД Закавказья, Чхенкели оказывал большое влияние на Абхазию, часто приезжал сюда, активно противодействовал сближению Абхазии с горцами Северного Кавказа, агитировал за союз с Грузией, инициировал подписание Соглашения от 9 февраля 1918 г. между Абхазским Народным Советом и Национальным Советом Грузии, т.е. за неделю до сухумских событий.

Историк И.В. Агрба обратила внимание на одно из писем Эшба⁴, которое свидетельствует о том, что его автор поддерживал доверительные отношения с Чхенкели. В этом письме Эшба сообщал 6 февраля 1918 г., т.е. за несколько дней до подписания Соглашения от 9 февраля и за десять дней до сухумских событий, о довольно сложной обстановке в Абхазии⁵.

Автор упрекает сухумских товарищей «справа», т.е. меньшевиков, лидер которых В. Чхиквишвили (Сухумский городской голова), публично назвал его «негодяем», видимо из-за того, что Эшба возглавил вместо него Совет рабочих и солдатских депутатов. Далее он касается

¹ Агрба И.В. Абхазская интеллигенция и национальная идея в 1917–1921 гг. // Абхазия в 1917–1931 гг. Сухум. 2021. С. 7.

² См.: Е.А. Эшба – славный сын. С. 94–95; Дзидзария Г.А. Ефрем Эшба. С. 32.

³ Демьянов А.А. Записки... С. 165.

⁴ Агрба И.В. Абхазская интеллигенция... С. 10–11.

⁵ См.: Документы по истории Абхазии. 1917–1931 гг. Тбилиси. 2021. С. 15.

крестьянского вопроса, всплеска преступности, говорит об усилении власти дворян на всех уровнях. Принижает роль АНС и влияние Северного Кавказа. Единственный выход видит в реформах и наведении революционного порядка, предлагает созвать съезд крестьянских депутатов (эту идею поддержали АНС и меньшевики), оживить работу Советов для предотвращения в городе погромов, межнациональных столкновений и «против поднимающей голову реакции».

Ефрем Эшба, как политик, сформировался в России, был приверженцем марксизма, большевистской идеологии, а Нестор, скорее, был практиком, а не теоретиком, да и большевизм он понимал очень своеобразно – будучи народным лидером, крестьянским самородком, он следовал вековым традициям и обычаям, пытаясь приспособить к ним (а не наоборот!) революционные новшества¹. Именно за не большевистскую позицию в 1929 г. его подверг критике Сталин («опирается на все слои абхазского населения»). Не было исключением и княжеско-дворянское сословие, тесно связанное с крестьянством «молочным родством». В этой связи важно заметить, что некоторые патриотично настроенные князья (Таташ Маршания, А.Г. Шервашидзе и др.), принимавшие активное участие в борьбе за Абхазию, еще в начале 30-х гг. не преследовались, а спокойно жили в республике, пользовались в народе большим авторитетом и тесно общались с Нестором. В этой связи небезынтересны некоторые высказывания Владимира Эмухвари: «Лакоба прежде всего был абхаз... Лакоба понял душевную боль абхазов и заслужил их любовь и доверие. Он думал, что большевики освободят от угнетения абхазов, сам доверился им и за ним пошли многие»². Еще до установления советской власти, когда Нестор привел крестьянский отряд «Киараз» к присяге на языческом святилище в селе Ачандара, он стал неформальным лидером – «благодаря личным качествам, традиционно ценившимся в народе». И понимал, что в «традиционное мировоззрение абхазов не вписывались такие понятия, как классовая борьба»³.

¹ См. подробнее об отношениях Е. Эшба и Н. Лакоба в альманахе «Нестор». № 1. Сухум. 2022. С. 5–13.

² Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.). С. 90.

³ См.: Дурипшский сход. Архивные документы. 2019. С. 514–515; Куправа А.Э. Из истории абхазской традиционной культуры. М. 1998. С. 72–97, 105–113.

Трагическая история февраля 1918 г. привела к падению советской власти в Сухуме, которая персонифицировалась с именем руководителя ВРК, что подкинуло «закодорских» абхазов – Кодорской и части Самурзаканской Абхазии.

Скорее всего, этим обстоятельством объясняется неучастие населения Кодорского участка во главе с князьями Т. Маршания и А. Шервашидзе, выступивших против ВРК и советской власти в апреле-мае 1918 года.

Общая картина изменилась лишь со второй половины июня 1918 г. (и до 4 марта 1921 г.), когда войска уже Грузинской республики вторглись в Абхазию, учинили террор и восстановили против себя население. По этому поводу депутаты АНС И. Маргания, Д. Алания, М. Тарнава, М. Цагурия в своем заявлении правительству Грузинской республики (29 сентября 1919 г.) подчеркивали: «Впервые в Абхазии грузинские войска появились во время борьбы с большевиками. Это была народная гвардия во главе с В. Джугели и А. Дгебуадзе. Мы с удовольствием отмечаем беспристрастное и корректное отношение этой гвардии ко всему населению Абхазии. К сожалению, работа народной гвардии продолжалась недолго и ее сменила дивизия генерала Мазниева. С этого момента начинается трагедия Абхазии»¹.

Однако и с установлением новой власти, несмотря на прошедшие несколько лет, положение Председателя Ревкома Абхазии оставалось сложным и шатким в связи с возникшей тогда «кровной мезтью». Ему, по свидетельству очевидцев, опасно было находиться даже в Сухуме, несмотря на охрану и присутствие Красной Армии. Большие сложности были связаны с ограниченным передвижением по территории страны, особенно в родном Кодорско-Самурзаканском районе. Нельзя исключать, что данный фактор сыграл немаловажную роль и в политической судьбе видного большевика, и 6 марта 1922 г. он занял пост третьего секретаря ЦК Компартии Грузии в Тифлисе.

В тот период обострилась и борьба за лидерство. В 1917–1920 гг. отношения между Нестором и Ефремом были дружескими. События февраля 1918 г., когда Лакоба с отрядом «Киараз» фактически спас Эшба, их еще больше сблизили. Однако, во время их секретной миссии

¹ См.: АГМ. Ф. 3. ОП. 1. Д. 39. Л. 57–58; Лакоба С. Очерки политической истории. С. 66.

в Турцию, что-то стало меняться. В принципе в конце 1920 г. было уже понятно, что будет в Абхазии. Эшба был несомненным лидером, но он начал опасаться Нестора, который мог стать конкурентом в вопросе о власти. Соратнице Ленина Е.Д. Стасовой он пишет 20 декабря характеристику на Нестора и настоятельно рекомендует направить его на дипломатическую работу советским консулом в Трапезунд¹. Сама по себе характеристика очень положительная, но ее можно понимать по-разному, тем более, что через несколько месяцев после установления советской власти в Абхазии в 1921 г., отношения между ними обострились, а в августе Нестор вынужден был уехать в Аджарию...

В это время, Е. Эшба, находясь по делам в Тифлисе, познакомился в Ревкоме Грузии с Марией Владимировной Щигровской, 20-летней девушкой, которая после окончания местной гимназии ведала там архивом. Семья нуждалась, в 1917 г. умер ее отец-генерал. Она осталась с матерью Елизаветой Ивановной Щигровской, урожденной Шаликошвили². В августе 1921 г. Ефрем пригласил Марию в Абхазию и они поженились³.

В 1989 г. Татьяна Тарасовна рассказала мне и о своей свадьбе с Николаем Акиртава, их дружбе с семьей Эшба. Примечательно, что свадьбу им осенью 1922 г. устроил в Лыхны Н. Лакоба⁴.

VI.

Настоящие политические страсти разгорелись в феврале 1922 г. на I съезде Советов Абхазии, который вместо Ревкома (Председатель Е. Эшба; заместители: Н. Лакоба и Н. Акиртава) сформировал новые органы государственной власти: Центральный исполнительный комитет (ЦИК) и Совет Народных Комиссаров (СНК). На съезде, по предложению соратников Нестора, Е. Эшба занял пост Председателя Президиума ЦИКа Абхазии (АбЦИК), став первым лицом в иерархии власти, а ЦИК образовал правительство и избрал (18 февраля

¹ См.: Колбая Г.Н. «Раскопать, где возможно, революционные организации» // Акуа-Сухум. 2017. № 1–2. С. 80.

² Марыхуба И. Ефрем Эшба. С. 408.

³ Дзидзария Г.А. Ефрем Эшба. С. 77–78.

⁴ См. также: Дзидзария Г.А. Николай Акиртава. Сухуми. 1985. С. 33; Шария В. Одна из последних свидетельниц // Газ.: Советская Абхазия. 14 октября 1989. № 198.

1922 г.) Н. Лакоба Председателем Совнаркома¹, то есть вторым человеком в новой структуре власти. «Однако, – отмечает грузинский историк З. Папаскири, – хитроумно используя тогдашнюю политико-властную конъюнктуру, в частности то обстоятельство, что первым лицом в стране был В.И. Ленин, занимавший должность именно председателя правительства (Совнаркома), а не председателя ЦИКа, Н.А. Лакоба сразу же перехватил инициативу и фактически обезличил роль ЦИКа и его руководителя Е.А. Эшба, который вскоре вообще покинул Абхазию»².

Нельзя исключать, что подспудно в этом «тактичном перевороте» сыграли не последнюю роль и отголоски событий 1918 г., которые оставили свой глубокий след в общественном сознании...

Вообще вся эта история с Совнаркомом нанесла видимо психологическую травму Ефрему Эшба, – он все же видел себя главой правительства, а не Абхазского ЦИКа. На эту мысль наводят некоторые детали, зафиксированные в его служебных и партийных «личных карточках» конца 20-х гг., в которых он почему-то неоднократно называет местом своей прежней работы – «Председатель Совнаркома Абхазии», хотя он никогда не занимал эту должность³.

В 1921 г. Эшба, Лакоба и Акиртава поддерживали курс на независимость Абхазии, однако Сталин и Орджоникидзе выкручивали руки руководителям ССР Абхазии. Как известно, 16 ноября 1921 г. состоялось заседание Президиума Кавбюро ЦК «О независимости ССР Абхазия», на котором было принято решение об экономической и политической несостоятельности независимой Абхазии и предложено Е. Эшба представить окончательное решение о вхождении Абхазии в состав федерации Грузии на договорных началах, либо на началах автономной области в РСФСР. «Трудно сейчас утверждать, – резюмирует проф. Б.Е. Сагария, – но Е. Эшба, как коммунист и член Кавбюро ЦК, вынужден был считаться с решением Кавбюро и выбрал вариант объединения ССР Абхазии с ССР Грузией на основе договорной федерации. Здесь же

¹ См.: Куправа А.Э. Труды. ССР Абхазия в начале становления советского общества. 1921–1925 годы. Т. 1. Сухум. 2013. С. 542, 562; Ачугба Т.А. Абхазия в датах. Сухум. 2016. С. 144.

² Папаскири З. Абхазия. Тбилиси. 2009. С. 269.

³ См.: Е.А. Эшба – славный сын абхазского народа. Документы и материалы / Сост. Д.Т. Ачугба. Сухум. 2010. С. 39, 62, 125.

хочу отметить, что некоторые товарищи не совсем осведомленные в этих делах, говорят, будто этот вопрос был решен не Е. Эшба, а Н. Лакоба. Что касается Н. Лакоба, то он с августа по декабрь 1921 г. был отозван из Абхазии. Он вернулся в Абхазию по настоянию Е. Эшба и 14 декабря 1921 г. был восстановлен в прежних должностях. Безусловно, и Н. Лакоба поддержал Е. Эшба в этом вопросе»¹.

Результатом решений Кавбюро ЦК было подписание 16 декабря 1921 г. союзного договора между Грузией и Абхазией полномочными представителями: С. Кавтарадзе (Грузия) и С. Картозия, Н. Акиртава (Абхазия). В нем, в частности, было зафиксировано, что ССР Грузия и ССР Абхазия «вступают между собой в военный, политический и финансово-экономический союз».

(Продолжение следует)

¹ См.: Сагария Б.Е. О «белых» и «черных» пятнах в истории Абхазии. Гагра. 1993. С. 45.

Протокол

Совещания представителей абхазского населения Сухумского округа от 10 марта 1917 г.

Председатель А.Г. князь Шервашидзе и присутствуют свыше 100 представителей от абхазских общин.

Обсуждение вопроса о создании Комитета Общественной Безопасности в Сухумском округе. Решено создать такие же комитеты во всех черех участках. Стоял вопрос об образовании милиции во главе с временным комиссаром кн. Таташем Маршания.

В состав временного Комитета общественной безопасности избраны: А.Г.Шервашидзе (председатель), кн.Джото Шервашидзе, Варлам Лакербай, Арзакан Эмухвари, кн. Влад. Эмухвари и А.Чочуа. В случае отсутствия А.:Чочуа будет заменять М.Цагурия

Протокол подписали: А.Г. Шервашидзе

Секретарь Андрей Чочуа

(См.: АГМ (Абгосмузей). Ф. 3. ОП. 1. Д. 39. Л. 17 и об.)

* * *

[Телеграмма из Тифлиса]

Сухум.

Варламу Шервашидзе

Александр Константинович Шервашидзе освобожден... = Директор канцелярии.

18/X-918

(ЦГА Абхазии. Ф. И-39. Д. 8. Л.104)

* * *

Г-ну Министру по делам Абхазии

31 июля 1918 г.

№ 703

Абхазский Народный Совет просит Вас снабдить членов Совета Г.Д. Туманова и С.П. Басария, отправляющихся на Константинопольскую конференцию десятью тысячами (10.000) рублями.

За председателя Д[жото] Шервашидзе

(ЦГА Абх. Ф. И-39. Д. 8. Л. 21)

* * *

В Народный Совет Абхазии

Сообщаю, что отказываюсь от звания члена Народного Совета.

В[ладимир] Шервашидзе

гор. Баку. 30 января 1920 г.

(ЦГА Абх. Ф. И-39. Д. 19)

* * *

В Президиум Народного Совета Абхазии

Сим изъявляю свое согласие быть членом Народного Совета.

Дмитрий Иосифович Гулия

1920 г. октябрь 1 дня

г. Сухум

[12 октября 1920 г. Д. Гулия стал депутатом НСА вместо С. Ашхацава]

(ЦГА Абх. Ф. И-39. Д.18. Л. 248, 244)

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ: ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ

Как и мои знакомые, родные, близкие, с большим интересом читаю материалы, разоблачающие деятельность политического авантюриста Л. Берия (1899–1953 гг.). Интерес к этой мрачной фигуре у нас в Абхазии особый, т.к. он родился, учился и вырос в нашем крае.

29 марта 1979 года – я хорошо запомнил этот день – в одном из самых оживленных мест г. Сухуми, на пересечении проспекта Мира и улицы Орахелашвили¹, я стал свидетелем необычной сцены. Крепко сложенный мужчина лет 60 и отнюдь не бродяжного вида на всю улицу громко превозносил «нашего защитника Лаврентия Павловича Берия».

Какова же была реакция окружающих на эти «здравицы», произнесенные в день 80-летия Берия? Несколько пожилых людей подошли к этому человеку и в корректной, но весьма строгой форме потребовали прекратить это представление, подошел и я, тогда 19-летний студент-историк. На мой вопрос: «Почему вы так прославляете Берия?» – он ответил: «Я в 40-е – 50-е годы работал в органах, знаю, что наш Лау многое сделал для мингрельцев, для Грузии, для обороны страны в годы войны». (?)

На этот случай почти десятилетней давности не стоило бы обращать большого внимания, если бы не другие наблюдения последних лет и месяцев. К сожалению, даже сегодня среди определенной части населения нашей республики, в первую очередь среди мингрельцев, распространены неверные, необъективные, порой весьма странные для сегодняшней эпохи суждения о Берия. Идут в ход разговоры о его «заслугах» перед Грузией и страной в целом, его «подвигах» в борьбе с врагами. И все эти суждения имеют место, несмотря на многочисленные публикации последнего времени, насыщенные фактами о беззакониях Берия. Даже эти материалы не в состоянии, наверное, переубедить тех, кто в 40-х – начале 50-х годов

¹ Ныне ул. Конфедератов.

пел под аккомпанемент национальных музыкальных инструментов песни о «подвигах» и «могуществе» Берия, кто читал стихи о нем, учась в школе.

Есть тут, думается, и чисто психологический фактор, который возникает, когда представитель относительно малочисленной нации или народности достигает высоких постов, становится известным человеком. Но ведь мингрельцам (я тоже отношусь к этой народности) есть кем гордиться, есть о ком слагать стихи, исполнять песни. Имена таких славных революционеров, как Миха Цхакая и Александр Гегечкори, всемирно известных ученых Ильи Векуа и Арнольда Чикобава, писателя Константина Гамсахурдиа и других деятелей не нуждаются ни в чем приукрашивании. Тот же, кто сегодня пытается в той или иной форме оправдывать, «объяснять», «мотивировать» деятельность Берия, тем самым оправдывает беззаконие, террор, авантюру.

Нам, педагогам, нельзя обходить острые проблемы, уходить от анализа, обсуждения так называемых «белых пятен» в истории нашей республики и страны в целом. В последнее время появилось немало публикаций о Берия – в журналах «Огонек», «Звезда», «Юность», еженедельных изданиях «Аргументы и факты», «Неделя», «Литературная газета», а также в «Комсомольской правде» и «Красной Звезде». Многое из того, о чем в них шла речь, было известно мне и моим коллегам с юных лет. Ведь от поколения к поколению и устной форме передается история жизни и деятельности отдельных людей, в том числе и печально известных личностей. К сожалению, немало в появившихся публикациях и противоречивого, а то и неточного. Так, многие читатели, насколько я знаю, нашли весьма спорные моменты в документальной повести А. Антонова-Овсеенко¹ «Карьера палача», отрывки из которой публиковались в ряде местных газет, в том числе в «Советской Абхазии».

Как известно, со второго полугодия нынешнего учебного года в общеобразовательных школах Абхазии начинается изучение нового предмета «История Абхазии», а к началу будущего учебного года будет издан учебник по этой дисциплине. На мой взгляд, в учебни-

¹ Антонов-Овсеенко Антон Владимирович (1920–2013) – советский и российский писатель, журналист, автор историко-публицистических работ о Сталине. Основатель Государственного музея истории ГУЛАГа.

ке необходимо глубоко и всесторонне осветить суть и конкретные проявления бериевщины в Абхазии, его так называемую «национальную политику», его деятельность на посту первого секретаря ЦК КП Грузии и ЦК Заккрайкома партии в 30-х годах, его беззакония и террор в республике.

Многие жители республики интересуются также т. н. «мингрельским делом» начала 50-х годов, вопросом, который в свое время обсуждался руководством партии и государства в Москве. Между тем, почти никакой информации об этом деле в республиканской и центральной печати не найдешь.

Как отмечалось на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, на XIX Всесоюзной партийной конференции, процессу обучения и воспитания молодежи, изучения общественных дисциплин необходимо придать максимальную откровенность, конкретность и аргументированность. И тут не должно быть места какому-то незнанию или полужнанию.

Тенгиз ПАЧКОРИЯ, преподаватель истории сухумской 10-й средней школы имени Н. Лакоба.

В письме в «Советскую Абхазию» молодой педагог-историк Т. Пачкория затрагивает серьезные вопросы, которые в течение долгого времени было у нас не принято, скажем так, задавать. До той степени не принято, что сейчас это создает немалые трудности при ответах на них.

Начну с одного штриха. Когда я задумал написать рассказ о детстве Л. Берия и решил почерпнуть фактические данные в Центральном Госархиве¹ при Совмине Абхазской АССР из фонда Сухумского городского шестиклассного училища, которое он закончил в 1915 году, то с удивлением обнаружил, что в некоторых списках учеников имя «Лаврентий Берия» было старательно вымарано, из некоторых других бумаг данные о нем вырезаны. Что хотели доказать авторы этой весьма наивной (ведь в остальных списках он продолжал фигурировать) акции, предпринятой, очевидно, в 50-е годы – что не учился в училище Л. Берия? С подобным столкнулся и листая

¹ Во время Отечественной войны народа Абхазии здание Госархива было сожжено грузинскими войсками (22 октября 1992 г.). Основная часть документов, находившаяся в центральном корпусе здания, полностью сгорела.

подшивки газет в Республиканской библиотеке. Увы, это не только смешно, но и печально, ибо традиция вымарывания имен – будто и не было в природе таких людей, – когда фиолетовые пятна в учебниках превращались затем в белые пятна памяти и истории, тянется из того самого мрачного времени, «классическим» выразителем которого и был сам Лаврентий Павлович.

Н. Карамзин утверждал, что «история должна быть злопамятной». Однако до сих пор многие предпочитают видеть в ней «даму приятную во всех отношениях» и только. (Невольно вспоминается рисунок, на котором изображен торт в виде книги с надписью «История»). Иные не понимали, узнав, что я собираю материал о школьных годах Л. Берия: «Зачем это?». А что разве не интересно и не поучительно – и в психологическом, и в историческом, и в каком угодно плане – попытаться проследить, как формировалась или, скажем, могла формироваться такая зловещая фигура, как Лаврентий Берия?

И вот теперь я убедился, что собрать этот материал уже не так просто. Попытался найти через адресный стол его одноклассников – наверняка, ведь могли немало рассказать, но призрачная надежда, что кто-то из них дотянул до девяноста лет, не оправдалась. Очень мало данных об этом периоде и в появившихся публикациях в печати. Исследователи по понятным причинам занялись этой личностью в основном лишь в последние годы. Думаю, что следы некоторой поспешности сказались в документальных повестях А. Антонова-Овсенко «Карьера палача» («Звезда» № 9 за 1988 г.) и «Берия» («Юность» №12 за 1988 г.).

Вот что, в частности, утверждают в письме, опубликованном недавно газетой «Ленинградский рабочий» (она раньше «Советской Абхазии») напечатала выдержки из повести «Карьера палача»), директор мемориального музея-квартиры Н. А. Лакоба Л. В. Маля, дочь Михаила Лакоба¹ С. М. Лакоба и кандидат исторических наук С. З. Лакоба: «Не знаем, как в остальном, а в части о Н. Лакоба извращены многие подробности его гибели в Тбилиси 28 декабря 1936 года, а также другие исторические факты. Так, Михаил Лакоба не сопровождал своего брата в Тбилиси в эту роковую поездку и не

¹ Лакоба Михаил Аполлонович (1898–1937) – революционер (член отряда «Киараз»), государственный деятель.

являлся тогда наркомом земледелия: посыльные от Берия не приносили ему в гостиницу «выдержанный коньяк, корзину с фруктами», – Нестор был отравлен в доме Берии на ужине; жена Нестора Сария при всем желании не могла «примчаться» на автомобиле в Тбилиси, т. к. 29 декабря тело Нестора (вскрытое, кстати, в тбилисской больнице им. Камо) было доставлено в Сухуми; все внутренности, желудок, мозг и даже гортань были срезаны и изъяты бериевскими врачами без ее присутствия; накануне похорон Сария не ездила в Москву и не обращалась к Молотову; сын Нестора Рауф не срывал со стены портрет Сталина и не рвал его на глазах у чекистов. Автор цитирует и письмо, написанное якобы сыном Нестора Лаврентию Берия – хотелось бы взглянуть хотя бы на его копию, откуда оно?»

Но, к сожалению, всю картину происшедшего документально восстановить уже невозможно.

Немало интересных эпизодов, в частности, из периода учебы Л. Берия в Сухумском городском училище приведено Абдурахманом Авторхановым в издававшейся за рубежом книге «Загадка смерти Сталина» (некоторые из них приводит в «Карьере палача» и А. Антонов-Овсеенко, в журнальном варианте его повести «Берия» остался лишь один такой эпизод). Но настолько ли они достоверны, чтобы доверять им, как мы доверяем документам?

Говоря о смысленности и хитроумии Берия (что, в общем-то, подтверждается воспоминаниями различных людей), Авторханов утверждает, что Берия всегда был, первым учеником в классе. Но архивные материалы свидетельствуют о другом: учился он довольно средне, а в четвертом классе даже остался на второй год, имея неудовлетворительные оценки по геометрии, арифметике, русской словесности и географии. Впрочем, в то время на второй год оставались многие, до трети класса (процентомании-то еще не было).

И у Авторханова, и у Антонова-Овсеенко описывается случай, когда Берия подкинул украденный у окружного школьного инспектора бумажник в письменный стол директора училища – злого и ограниченного человека казарменного толка – и «навел» на него полицию, которая этот бумажник нашла, после чего директора «хватил удар» и он исчез из училища. Но в Сухумском городском училище не было должности директора. Возглавлял это учебное заведение инспектор, а им в ту пору, когда Берия было 15 лет – именно этот возраст указывает А. Антонов-Овсеенко – являлся А.М. Чочуа – че-

ловец в высшей степени не схожий с описанным, и уж конечно, в биографии которого не было ничего подобного.

Кстати, о А.М. Чочуа и его отношениях с бывшим учеником. В 1938 году был арестован как враг народа сын Андрея Максимовича – Борис, инженер, работавший в Ткварчели. Андрей Максимович попытался пробиться к Берия, чтобы убедить его в безосновательности навета, но Берия, рассказывают, отреагировал раздраженно: «Этот старик не знает, что ли, что органы НКВД напрасно не арестовывают?»

Известно, какую роль играл Берия в подготовке и проведении процесса по так называемому делу «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористической, шпионской организации в Абхазии»¹ в конце тридцатых годов, вошедшем в историю репрессий как ««абхазское дело», в закрытии абхазских школ и наступлении на национальную самобытность абхазского народа в конце сороковых – начале пятидесятых. Можно ли говорить о каком-то особом пристрастии Берия к делам нашей автономной республики? Известный советский писатель Фазиль Искандер считает, что да, несомненно. Выступая недавно в одной из передач Центрального телевидения, он высказал этому такое психологическое объяснение: слишком много людей в Абхазии, где Берия родился и вырос, помнили его не могущественным повелителем судеб людей, а подростком из крайне бедной семьи, очень нуждавшимся, в чем-то униженным, и это обстоятельство заставляло его относиться к Абхазии с определенной «мстительностью».

Теперь о «мингрельском деле». Сталин, как пишет Авторханов, именно в Грузии вечно искал остатки недобитого национализма. Так как руководство республики состояло из учеников и ставленников Берия, то накапливалось много материала для будущего с ним столкновения.

До начала 50-х годов этого не происходило из-за исключительной изворотливости Берия. Как только Сталин начинал новую чистку Грузии, он сам превентивно проводил ее, не задевая лишь перво-

¹ Имеется в виду открытый судебный процесс в Сухуме (30.10 – 3.11.1937) по делу «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой шпионской организации в Абхазии», по которому проходили «13 лакобовцев». Десять из них были приговорены к расстрелу. (См.: Большой террор в Абхазии. (Абхазская АССР): 1937–1938 гг. Т. 2. Council of Europe, 2017. С. 14–39).

го секретаря ЦК неизменного К. Чарквиани. Так было создано и руководство конца сороковых, в котором значительное место принадлежало мингрельцам и которое, как казалось, именно в силу последнего обстоятельства и особой близости многих в нем к Берия, будет стабильным. Говорят, когда Берия представил очередной список секретарей республиканского ЦК на утверждение Оргбюро ЦК ВКП(б). Сталин иронически спросил: «Они что, все члены партии?» За иронией скрывался первый выговор Сталина Берия за все время его долголетней преданной службы.

Ситуация резко обострилась после того, как XIV съезд Компартии Грузии; прошел под знаком нарождающегося нового культа: грузинскому народу настойчиво напоминалось о том, что у него теперь не один, а два «отца» – Сталин и Берия. Больше того, новое руководство выдвинуло в состав почетных членов ЦК Компартии республики обе кандидатуры, и во время тайного голосования единогласно прошел только Берия, а за Сталина многие голосовать воздержались. Получился скандал, и чтобы выйти из положения, опубликовали сообщение об избрании Сталина и Берия в члены ЦК, но без обычного слова «единогласно». Это нашло отражение и на страницах «Правды».

Сталин решил взяться лично за новую чистку, в Грузии, заменив министра госбезопасности Абакумова, который не делал ничего, не согласовав с Берия, на старого партаппаратчика Игнатьева. В Грузии эта чистка в конце 1951 года превзошла по масштабам даже «великую чистку» 1937–38 годов. Было снято и арестовано как «буржуазные националисты» множество партийных работников. (В статье в «Правде» от 30 января 1953 г. говорится, что за один 1952 год в республике было выдвинуто 427 новых секретарей и завотделами обкомов, горкомов и райкомов партии), арестован почти весь руководящий состав ЦК и правительства Грузии. Чарквиани избежал ареста тем, что вовремя изменил Берия и перешел на сторону тех, кому Сталин поручил провести чистку. На посту первого секретаря ЦК его заменил А. Мгеладзе (бывший первый секретарь Абхазского обкома партии).

Массовые аресты были произведены также среди рядовых партийцев и беспартийных. На XV съезде Компартии Грузии (сентябрь 1952 года) в докладе Мгеладзе очень глухо говорилось о «серьезных ошибках, допущенных старым руководством» и «о буржуазном на-

ционализме в творчестве грузинских писателей». По замыслу министр госбезопасности Грузии Рухадзе с прикомандированными к нему генералами из центра должен был организовать над старым ЦК процесс, обвинив его в связях с эмигрантами с целью отторжения Грузии от СССР и присоединении ее к Турции. По версии Авторханова, говоря об этом «деле» на XX съезде КПСС, Н. Хрущев не хотел, да и не мог быть до конца искренним, иначе ему пришлось бы сообщить, что Сталин его создал только для того, чтобы подготовить ликвидацию Берия. Довести это дело до конца так и не удалось.

5 марта 1953 года умер Сталин. И даже еще до его похорон в Тбилиси прибыл новый эшелон чекистов во главе со старым ставленником Берия В. Деканозовым (он был раньше заместителем министра иностранных дел). На этот раз были арестованы 8 человек из 11 членов бюро ЦК: Мгеладзе (его сменил Мерцхулава). Рухадзе, даже бывший первый секретарь ЦК Чарквиани (вероятно, за измену Берия) и десятки других лиц, помогавших создать дело против Берия.

Подводя читателя в упоминавшейся нами книге к выводу, что Сталин не умер естественной смертью, Авторханов пишет: «Создавая свое последнее “дело”, Сталин явно недооценил выдающихся качеств Берия: его бездонное властолюбие, неповторимое ханжество и каиново бездушие»...

Об этих качествах писала и дочь Сталина Светлана Аллилуева: «Я считаю, что Берия был хитрее. вероломнее, коварнее, наглее, целеустремленнее, тверже – следовательно, сильнее, чем отец...»

...Рамки газетной статья позволили лишь очень бегло коснуться здесь некоторых неосвещенных или мало освещенных в нашей печати фактов из биографии Л. Берия. Автор будет благодарен всем читателям, которые смогут ввести новые данные? те или иные уточнения к публикации.

В. Шария

«Советская Абхазия», приложение «Парус», 20 января 1989 г., № 2

Подготовка текста, примечания – Е.Г. Тегия

ПИСЬМО ЖУРНАЛИСТА И РАЗВЕДЧИКА П. ПАВЛЕНКО

По линии Коминтерна очень многие советские разведчики засылались в зарубежье для нелегальной работы. В числе наиболее известных был, например, Рихард Зорге. Судя по письму писателя Петра Павленко (1899–1951), в то время корреспондента «Зари Востока» и недавнего сотрудника советского торгпредства в Турции (1924–1927), через Абхазию для специальных операций переправлялись сотрудники службы внешней разведки. Особым доверием пользовался глава правительства Нестор Лакоба, к которому и обращено письмо Петра Павленко (в дальнейшем «бригадный комиссар»).

В 1923 г. Нестор под прикрытием лечения, и сам выполнял секретную миссию в Германии, связанную с финансированием местной компартии... В данном же письме предполагается его возможности и влияние на соотечественников в Турции.

Дорогой тов. Лакоба.

Пользуясь оказией в Абхазию – илю Вам гору приветов от кавказцев, собравшихся в Москве. Здесь Ваше имя вспоминают часто и с любовью. Этим летом к Вам собирается нагрнуть целая когорта писателей и художников, соблазненных нашими рассказами об Абхазии и о Вас.

Товарищ, везущий это письмо, направляется в Турции и т.к. он в Сухуме человек новый да притом еще и иностранец [личность неизвестна – СЛ], я посоветовал ему, в случае нужды, повидаться лично с Вами, ибо только Вам он и мог бы поведать свои нужды, если таковые окажутся. Он – весьма интересный человек, делающий большую работу, и, быть может, даже окажется полезным Вам.

Во всяком случае, всякое В/внимание к нему наша константинопольская совколония рисует, как внимание, к ней лично.

С ком. приветом. Искренне уважающий Вас

П. Павленко

Если Вы меня еще вспомните по Закрайкому и личным встречам.

ПИСЬМА НЕСТОРУ ЛАКОБА

Н. А. ЛАКОБЕ.

4 мая 1933 г.

Уважаемый Нестор Аполлонович.

После баталий наконец мы договорились, и в таком виде, что преемственно отделение Института растениеводства превращается с сокращением работы в интродукционный питомник, охватывающий все культуры, как многолетние, однолетние, так и древесные, с тем чтобы он должен проводить максимально широкое привлечение ценных новых культур по определенному плану мобилизации всех возможностей Института растениеводства. Также он должен служить и опорной базой для проведения ряда методологических работ.

Мы считаем, что Институт растениеводства максимально, без отличия должен принять большое участие в развитии субтропического растениеводства и отрыв его от земли был бы только вреден для дела.

Нужно максимально привлечь центральных работников, а не оттолкнуть и не заставить их вести какую-нибудь кустарную, изолированную от субтропиков работу.

Выражаю уверенность, что представителям Института растениеводства и командируемому Г. Н. Шлыкову¹ удастся совместно с дирекцией Субтропического института договориться о размежевании территориальном, жилищном и лабораторном. Я считаю, что будет большой плюс от того, что рядом с Субтропическим институтом будет работать Институт растениеводства, стимулируя его работу.

¹ Шлыков Григорий Николаевич (1903–1977) – доктор биологических наук. Странник теории Т. Д. Лысенко. В 1936 г. выступил с погромной речью против Н. И. Вавилова, обвинив его во вредительстве.

К Вам моя просьба, как близко знающего дело субтропического земледелия, помочь в устранении конфликтов, которые могут возникнуть, а главное, помочь научным учреждениям стать на ноги, получить необходимую землю, жилищные условия, чтобы они могли незамедлительно начать продуктивную, увязанную с производством научную работу.

*С товарищеским приветом
Директор Института
[Н. Вавилов].*

Н. А. ЛАКОБЕ.

5 июня 1933 г.

Многоуважаемый Нестор Аполлонович.

В течение недели я ознакомился довольно подробно с рядом научных учреждений, а также посетил несколько совхозов. Я подробно переговорил с товарищами об их работе и дал ряд указаний, как надо наиболее рационально в интересах быстрого развития нашего хозяйства вести работу.

Создание Всесоюзного института субтропических культур и привлечение к нему т. Ашхацава¹ как директора должно иметь исключительное значение.

Но, для того чтобы работа этого крупного Института шла нормально, нужны еще некоторые условия, и прежде всего решительный поворот Института в его исследовательской работе в сторону производства, в направление разработки неотложных вопросов субтропического земледелия.

Если в прошлом велись довольно широкие работы по предварительному изучению ценных субтропических культур, то ныне все внимание должно быть направлено на разработку агротехники, широкую постановку практической селекции, закладку производственных опытов по различным новым культурам, по технологическому освоению культур и по разработке мероприятий незамедлительного их размножения и быстрого внедрения в хозяйство.

¹ Ашхацава Семен Михайлович (1886–1943) – государственный деятель, ученый; работал директором ВНИИ влажных субтропиков.

Надо помочь Институту прежде всего с устройством его территорий, лабораторий и жилищных условий. Совершенно необходимо передать Институту полностью как земельный участок, так и постройки бывшей зональной эфиромасличной станции. Это тем более необходимо, что там имеются необходимые для Института опытные установки и лаборатории.

Чтобы перевести Институт с малых участков на производственный масштаб, чтобы развернуть практическую селекцию, сортоиспытание, провести работы по применению удобрений, разработке новой агротехники, необходимо выделить для Института совхоз или вообще территорию, легко усвояемую, – около 150–200 гектаров. Было бы правильно, как мне думается, один из лучших совхозов сделать опытным и передать его в ведение Института. Нужно дать директиву совхозам и колхозам Абхазии о всемерном вовлечении Института субтропических культур для производства опытов на их территории и материальной поддержке этой опытной работы.

Всесоюзный институт растениеводства (ВИР) ныне, согласно решениям Президиума Академии, проводит при Субтропическом институте прежде всего широкую интродукцию, вовлекает наиболее ценный мировой материал по субтропическим растительным ресурсам. Как общий головной институт Академии, он проводит на территории Института субтропических культур также ряд метеорологических работ по заданиям ВИРа, для которого Субтропический институт выделяет небольшую территорию на Кусе и на Флоре.

Созданию такого автономного питомника ВИРа при Субтропическом институте я придаю большое значение, ибо он заставит Институт растениеводства вести широкую интродукционную работу, которая имеет огромное значение, в особенности для влажных субтропиков. Наличие такой базы вовлечет наших наиболее крупных и компетентных в Союзе работников для постановки опытной работы во влажных субтропиках, что, несомненно, повысит уровень научной работы Института субтропических культур.

Мною предложено Интродукционному питомнику обратить особое внимание на широкое привлечение нового материала по цитрусовым и другим субтропическим плодовым, также новым каучуконосам, хинному дереву, кокаиновому кусту и новым техническим растениям.

Привезенный новый интересный материал из Южной Америки уже высеян на интродукционном питомнике.

В системе работы по сельскому хозяйству государственное семеноводство имеет огромное значение. В особенности это необходимо по овощным, кормовым и сидерационным растениям. Я посетил организованную в прошлом году Селекционную станцию на участке РИБО. Она произвела на меня благоприятное впечатление, в особенности по работе с бататом и овощными культурами. Необходимо помочь станции, оформить ее территорию.

Создание питомника Абтабака на участке этой станции в 4 га я считаю малоцелесообразным и прошу Вас принять меры передачи его селекстанции, которая нуждается в территории. 30 гектаров для селекстанции недостаточны, и мне думается, что было бы правильно передать ей постепенно для развития работы участка, занятые под городское овощеводство. Я бы просил Вас уделить этой станции внимание и помочь ей быстро наладить работу. Союзсеменовод уделяет большие средства станции. Работники этой станции Селекционную станцию на участке – народ энергичный, и я не сомневаюсь, что через год-два в Абхазии и все влажные субтропики будут иметь первоклассный семенной материал.

На меня произвел очень хорошее впечатление каучуковый промхоз № 7. Это культурное учреждение, успевшее в короткое время сделать много. Я бы просил Вас посетить его и подбодрить работников. Хуже дело обстоит с тунговым совхозом. Он не имеет прежде всего семян наиболее ценного вида Фордии. Я уже телеграфировал т. Яковлеву, чтобы закупили незамедлительно за границей необходимое количество семян.

Мое общее впечатление о работе научных учреждений на территории Абхазии, что здесь разворачивается огромная работа. Все предпосылки к развитию ее имеются. Надо помочь ей на первых порах, и я не сомневаюсь в том, что при Вашем заботливом отношении к науке и научным работникам это будет сделано и в короткое время под Вашим руководством при активном участии науки будет коренным образом реконструировано хозяйство Советских влажных субтропиков.

*Президент Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина
Н. И. Вавилов.*

Н. А. ЛАКОБЕ.

Сухум. 1 ноября 1934 г.

Глубокоуважаемый Нестор Аполлонович.

Семена лучших сортов дынь подбираю на нашем Среднеазиатском отделении, поручив это дело нашему лучшему специалисту по бахчевым проф. К. И. Пангалю¹. Они будут Вам доставлены в ближайшие недели.

Академик [Н. Вавилов].

Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929–1940 гг. Научное наследство. Том десятый. – М.: Наука, 1987. – С. 197, 199–201, 255.

Подготовка текста, примечания – А.Я. Дбар

НЕСТОР: ХРОНОЛОГИЯ СМЕРТИ

[28 декабря 1936 г. в 21.30 тело Н. Лакоба отправлено поездом из Тбилиси в Сухуми.

Газета «Советская Абхазия» 30 декабря 1936 г. сообщала: «Большими хлопьями падает снег...»

29 декабря 1936 г. в 13.35 по московскому времени поезд с телом НЛ прибыл на станцию Келасури.

Встречало море народа.

30 декабря 1936 г. с 11 час. дня тело из квартиры перенесено в здание Гостеатра Абхазии.

31 декабря 1936 г. в 13.00 похороны в Ботаническом саду]

ЦИК Абхазии. Обком КП(б) Грузии

= Глубоко скорблю о смерти товарища Нестора Аполлоновича Лакоба, много сделавшего для развития Советской Абхазии и нашего субтропического хозяйства.

Академик Вавилов

(Советская Абхазия. 1936. 31 декабря. № 301)

¹ Пангалю Константин Иванович (1883–1965) – ботаник, селекционер-овощевод, доктор биологических наук.

НИКОЛАЙ БЛОХИН¹

МИХАИЛ БУЛГАКОВ В 1936-м

(Фрагменты статьи)

... 11 июля (1936 г. – А. Д.) в письме матери Елена Сергеевна² писала: «У Миши очень много работы, и все срочная, к осени. Так что и сейчас все время диктует. И летом, когда поедем отдыхать на месяц в Синоп (под Сухумом), будет работать. Оба мы устали страшно. Все время думали, вот эту работу сдаст, и отдохнем. И все надо было дальше работать, без отдыха. Когда-то это будет?» 26 июля Елена Сергеевна запишет в «Дневнике»: «Завтра мы уезжаем из Москвы в Синоп под Сухумом. “Минин”³ закончен. М. А. написал его ровно в месяц, в дикую жару. Асафьеву либретто чрезвычайно понравилось. Он обещает немедленно начать писать музыку».

Почему Булгаковы выбрали для отдыха гостиницу «Синоп»? После 1919–1921 годов, прожитых Булгаковым на Кавказе, весной 1928 года писатель побывал в Тифлисе, Батуме. Но в Батуме непрерывно шел дождь. И Булгаков с женой переехал в Зеленый Мыс. Жил в пансионе, расположившемся в бывшей вилле князей Барятинских. Любовь Евгеньевна Белозерская, вторая жена Булгакова, вспоминала: «Мы приехали, когда отцветали камелии и все песчаные дорожки были усыпаны этими царственными цветами».

О гостинице «Синоп» Булгаковы слышали, скорее всего, от Александра Фадеева. Он прожил в Сухуме не один месяц. Приехав

¹ Блохин Николай Федорович – российский журналист, редактор, литературовед. Родился в 1952 г. на Ставрополье.

² Булгакова Елена Сергеевна (1893–1970) – супруга писателя Михаила Булгакова, хранительница его литературного наследия.

³ «Минин и Пожарский» – оперное либретто, написанное М. Булгаковым (1936).

в ноябре 1935 года, Фадеев остановился в гостинице «Синоп». Здесь он работал над четвертой частью романа «Последний из Удэге». В январе 1936 года он писал своей матери Антонине Владимировне: «Как ни соскучился я здесь, в Сухуме, если учесть, что ведь целый год до этого я был на Дальнем Востоке, все-таки мне сидеть здесь пока что полезней и лучше, чем в Москве. Я очень продуктивно работаю. Я надеюсь в феврале закончить четвертую часть. Это было бы вполне «по-стахановски», если бы удалось сдать через месяц-полтора четвертую часть, когда третья только выйдет...»

В следующем письме он сообщает: «Что касается моего сухумского сидения, то оно уже приносит свои плоды: в работе над четвертой частью я перевалил далеко за половину и – в конце февраля, середине марта – надеюсь кончить».

В 1933 году по инициативе Председателя ЦИК СССР М. И. Калинина в Сухум был построен Дом отдыха «Синоп». В 1935 году он принял первых отдыхающих. В том же, 1935 году, во время путешествии по Черному морю, в Сухуме побывал Алексей Толстой. В творческой среде «Синоп» к тому времени стал модным местом отдыха.

Булгаковы – Михаил Афанасьевич и Елена Сергеевна приехали в Сухум не одни. На отдых в «Синоп» приехала сестра Ольга Сергеевна Бокшанская¹, неизменный секретарь В.И. Немировича-Данченко. Вместе с ней в «Синопе» поселился ее муж Евгений Калужский. Приехал в Сухум и режиссер-постановщик «Мольера» Николай Горчаков. Остановился тоже в «Синопе». Приехал с одной целью – убедить Булгакова взяться за перевод пьесы Шекспира «Виндзорские проказницы». И хотя договор со МХАТом на ее перевод был подписан еще в мае, Горчакову было ясно, что разрыв неизбежен. «МХАТ – кладбище моих пьес», – с горечью говорил Булгаков о любимом театре. Горчаков сделал последнюю попытку, причем, не очень удачную.

От имени МХАТа Горчаков поставил перед Булгаковым задачу написать новое произведение на основе объединения сюжетных мотивов «Виндзорских проказниц» и «Генриха IV».

Поначалу Булгаков взялся за перевод «Виндзорских кумушек», как записано на титульном листе рукописи. Михаил Афанасьевич переводил, Елена Сергеевна переписывала на чистовик. Вечерами

¹ Бокшанская Ольга Сергеевна (1891–1948) – старшая сестра Е.С. Булгаковой.

подолгу разговаривали с Н. Горчаковым и П. Марковым. Марков обещал Булгакову защитить его и новую пьесу от режиссерского диктата, который все заметнее проявлял Горчаков. Николай Михайлович, которому в ту пору было 38 лет, а Михаилу Афанасьевичу 45, пытался поучать его, как переводить Шекспира, давать ему советы, как исправить «Мольера», чтобы возобновить постановку. Елена Сергеевна отметила в «Дневнике», что в «Театре уже говорят о возобновлении «Мольера», о том, что поспешили с его снятием. Лица не узнаваемы».

Горчаков считал, что Булгаков «будет делать перевод впустую, если он, Горчаков, не будет давать установки, как переводить». Ну, и дал установку:

– Хохмочки надо туда насовать!.. Вы чересчур целомудренны, мэтр... Хи-хи-хи...

На другой день Булгаков сказал Горчакову, что он от перевода и вообще от работы над «Виндзорскими» отказывается.

Так, с разрыва с Горчаковым, начался отпуск Булгакова – первый за семь лет работы во МХАТе. 17 августа Михаил Булгаков отправит из «Синопа» письмо ближайшему другу семьи Я.Л. Леонтьеву, поскольку он, перейдя из МХАТа в ГАБТ, вынашивал идею привлечь Михаила Афанасьевича для работы в Большом театре.

«Дорогой Яков Леонтьевич!

Чувствую, что бедная моя голова отдохнула. Начинаю беседовать с друзьями, о которых вспоминаю с нежностью. И в первых строках посылаю привет Доре Григорьевне, Евгении Григорьевне и Андрею Андреевичу.

Засим: «Синоп» – прекрасная гостиница. Отдохнуть здесь можно очень хорошо. Парк. Биллиард. Балконы. Море близко. Просторно. Чисто. Есть один минус – еда. Скучно. Однообразно. Согласитесь сами, что нисколько не утешает таинственные слова в карточке цвыбель клопс, беф Строганов, штуфт, лангет пикан и прочее. Под всеми этими словами кроется одно и то же – чушь собачья. А многие, в том числе и я, принимают иноземные капли, и кормят их рисовой кашей и киселем из черники.

Все остальное – хорошо. Не нравится здесь немногим. Но в числе их сестренка Олька. Въехала она сюда с таким грохотом, что даже я, при всей моей фантазии, изумился. И теперь с утра до вечера кроет последними словами побережье. И горы, и небо, и воздух, и

магнолии, и кипарисы, и Женю, за то, что привез ее сюда, и балкон за то, что возле него пальма. Говорит, что всех надо выселить отсюда, а устроить цитрусовые плантации. Словом, ей ничего не нравится, кроме Немировича. Начала она с того, что едва не утонула. И если бы Ершов, как был в одежде, не бросился в воду и не вытащил ее, неувязка была бы крупная. Люся чувствует себя хорошо, чему я очень рад. Наша жизнь трудная, и я счастлив буду, если она наберется здесь сил.

Первое время я ничего не читал, старался ни о чем не думать, все забыть, а теперь взялся за перевод «Виндзорских» для МХАТа. Кстати о МХАТе. Оттуда поразительные вести. Кумовья и благодетели показывают там такой класс, что можно рот разинуть. Но об этом как-нибудь при свидании. Люся мне говорит – ты – пророк!

Ах, дорогой Яков Леонтьевич, что-то будет со мною осенью? К гадалке пойти, что ли?

Что с «Мининым»? Я Асафьеву послал в письме маленькое дополнение к одной из картин. Работает ли он?

Мы собираемся выехать отсюда 27–28.08-го через Тифлис – Владикавказ (Орджоникидзе). Ежели успеете написать мне сюда, обрадуются. Люся посылает всем Вашим самые теплые, дружеские приветы.

Не забывайте!

Ваш М. Булгаков».

Это единственное письмо Михаила Булгакова, написанное им в гостинице «Синоп» и отправленное в Москву. Есть еще одно документальное свидетельство о том, что Михаил Афанасьевич Булгаков и Елена Сергеевна Булгакова останавливались в гостинице «Синоп» – фотография, сделанная в «Синопе» в июле 1936 года. На переднем плане во весь рост Елена Сергеевна, и за ней Михаил Булгаков. Фото сделано на фоне экзотической субтропической растительности.

Позднее, в «Мастере и Маргарите», в главе «Понтий Пилат» Булгаков напишет: «В изысканных выражениях извинившись перед первосвященником, он попросил его присесть на скамью в тени магнолии...»

Многое из того, что увидел Михаил Булгаков на Кавказе, нашло отражение в его рассказах, повестях, романах, пьесах – и Зеленый Мыс в пьесе «Адам и Ева», магнолии, кипарисы и гранатовое дерево в «Мастере и Маргарите», и даже названия шикарных блюд из меню «Синопа» в главе «Было дело в Грибоедове»...

Вспоминал ли позднее Михаил Булгаков поездку в «Синоп»? В его письме писателю Викентию Вересаеву от 2 октября 1936 года есть такие строки: «Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо и летом отдохнули? Мне удалось провести месяц на Черном море. К сожалению, Елена Сергеевна съездила со мною неудачно. Привезла с юга какую-то инфекцию и хворает целый месяц. Теперь ей лучше, я понемногу начинаю разбираться в хаосе, получившемся после моего драматургического разгрома. Из Художественного театра я ушел. Мне тяжело работать там, где погубили «Мольера»... Тесно мне стало в проезде Художественного театра...»

Следует вспомнить еще об одном важном событии в жизни Михаила Булгакова. Накануне поездки в «Синоп» писатель завершил роман о дьяволе. Глава «Последний полет» датирована 6 июля 1936 года. Но она не удовлетворила его. Булгаков отложил работу над романом до лучших времен. После «драматургического разгрома» 1936 года Булгаков займется завершением романа «Мастер и Маргарита».

Время, проведенное в гостинице «Синоп», разделило жизнь и творческую биографию Михаила Булгакова на две части – до и после поездки в Сухум. «Синоп» стал важным этапом в творческой биографии Михаила Булгакова: здесь писатель принял решение уйти из МХАТа навсегда. Впереди был главный роман писателя «Мастер и Маргарита». И еще – это была последняя встреча Михаила Булгакова с Черноморским побережьем Кавказа, с Черным морем.

* * *

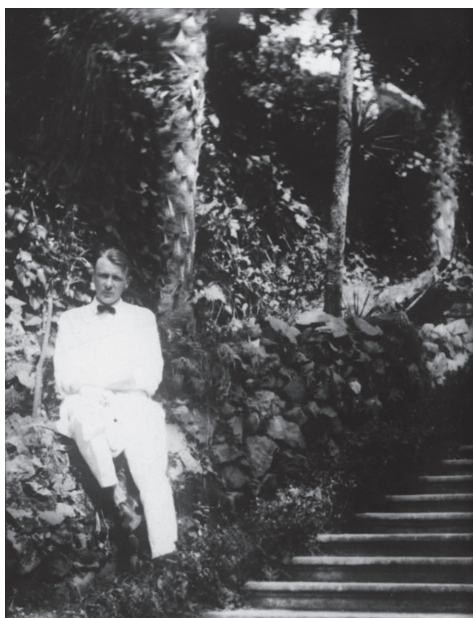
Гостиница «Синоп» в Сухуме и сегодня в XXI веке принимает отдыхающих со всех концов света, предлагает большой набор услуг. И кто знает, может быть, когда-нибудь в ее главном вестибюле появится портрет одного из величайших писателей XX века Михаила Булгакова. И он будет встречать всех приезжающих и уезжающих, словно обращаясь к ним: «Помните “Синоп”». Может быть...

© Блохин Николай Федорович
© журнал «Релга», №14 [287], 2014)

Подготовка текста, примечания – А.Я. Дбар

*На фото: Михаил Булгаков
с супругой, Еленой Сергеевной,
в Сухуме. 10 августа 1936 г.*

*На фото: Михаил Булгаков
в Сухуме, 1936 г.*

«ОТ ПОДНОЖИЯ ГОР АБХАЗИИ»

(О писателе В. Шишкове)

В конце октября 1925 года писатель Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) прибыл из Феодосии в Сухум на быстроходном пароходике «Ястреб». В первых числах ноября он сообщал своему другу Константину Федину: «Пишу... из самого Сухума, от подножия гор Абхазии, от берегов теплого моря. Я забыл, где ты, Костя, жил? Кажись, в Сухуме. Поэтому не стану описывать его красот, обычаев и нравов: они известны тебе. Напоминаю только, что по сей день – 2 ноября – стояла жаркая погода, какой я не видал за все лето ни в Питере, ни в новгородских деревнях. 20–23 градуса в тени, а вот сегодня из-за хребтов поперли тучи, полил дождь... Просторы передо мной невообразимые, а за спиной стена Кавказа – не перескочишь: Россияшки не видно, можно лишь видеть в хороший день анатолийские берега с горами Трапезунда (250 верст) ...Знакомых пока нет... Рад дождю... Читаю – А. Белого – «Москву». Что за язык, что за юродство! Сплошь выдуманные словечки, фейерверк словечек, водопад, поток... Сегодня, 3-го, после вчерашнего дождика, опять солнечный жаркий день. Ну и Сухум!»

Спустя две недели, 17 ноября В.Я. Шишков писал из Сухума А.М. Горькому в Сорренто (Италия): «Дорогой и милый Алексей Максимович! Мы живем сейчас с Вами почти на одной параллели, и я решил побеспокоить Вас своим письмом... У нас, в Сухуме, несмотря на зиму, – теплынь, иногда жарко... Все зелено, цветы, словом, жить можно. Сейчас море начинает охлаждаться – стоят теплые туманы. Я гляжу с горы в окно – туман редет, показываются очертания прибрежной полосы, фелюги и даже рыбацьи лодочки вдали. Так постепенно проясняется и советская наша жизнь: из хаоса, тумана постепенно рождаются радующие сердце факты нового строительства внутреннего и внешнего...».

В это время Шишков усиленно работал над романом «Угрюм-река». Недавно в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде мною было обнаружено неизвестное письмо (от 22 декабря 1925 г.) писателя, отправленное им из Сухума литературоведу П.Н. Медведеву. В нем Шишков

отвечает на ряд заданных ему вопросов. В этих ответах отразилось и творческое кредо писателя. С присущим ему юмором Шишков пишет: «Дорогой Павел Николаевич... Если бы Вы не обладали... прекрасной Екатериной Петровной... я высватал бы Вам, тоже прекрасную, какую-нибудь абхазскую княжну с табачной плантацией, на которой родятся не только папиросы в разных оригинальных упаковках, но и спички». И далее: «А теперь с верою и любовью приступим: из писателей, ни строки не написавших, на меня влияли слепая бабушка Федосья рассказами о своих путешествиях к святым местам и отец-охотник - про охоту. Из графоманов влияли: Гоголь, Пушкин, Толстой, отчасти Успенский Г. и Короленко с Чеховым. Но самое главное влияние я приписываю живой природе: Алтайским горам, рекам, тайге и, конечно, всяческому люду. Я выросал не в оранжерее, садовников надо мною не было, меня не подстригали, не поливали из лейки, не окуривали от тли, я рос в диком виде, сам по себе, под дождем и солнцем.

...Замысел «Угрюм-реки»?

– Вот это вопросик трудноватый... В романе – пока коллизия огромной физической и духовной... силы...

А за сим крепко обнимаю Вас...Больше не пишите мне сюда. Через 4 дня выезжаю, в январе буду в Москве, и в январе же, числа 5–10 – в Питере. Сегодня посылаю Вам «Лунной ночью», а перед отъездом - написанный здесь рассказ «Комар».

Уехав из Абхазии, Шишков в январе 1926 г. получает ответ на свое сухумское письмо от А. Горького, но долго не отзывается. Спустя пять месяцев, 20 апреля, Вячеслав Яковлевич извиняется за долгое молчание, связанное с болезнью и снова упоминает о своем пребывании в Сухуме, где он впервые прочел роман Горького «Дело Артамоновых» и «Города и годы» К. Федина.

Помимо рассказа «Комар», Вячеслав Шишков написал в Абхазии и рассказ «Змея». А вот как начинается «Отец Макарий», датированный автором: «Сухум. Декабрь 1925 г.»: «Декабрь. Я сижу на берегу Черного моря и прислушиваюсь к ритмическому гулу его волн.

Где-то, вероятно, возле Новороссийска, вырвался из-за гор ярый освежающий норд-ост, кинулся на море, взмесил необозримую морскую синь, а здесь, в тихом Сухуме, лишь отзвук шторма. Но море все-таки гудит. Здесь тепло, здесь и в декабре лето: всюду цветут розы, дозревают мандарины, набирают цвет древовидные

камелии. Но моя мысль по каким-то неведомым путям переносится в любимую Сибирь, в тайгу. И вижу я: это не в море злятся волны, а гудит вершинами тайга, такая же безбрежная, такая же таинственная, как море».

Во второй раз Шишков приехал в Абхазию с женой осенью 1927 года. Тогда он побывал в Гагре, Новом Афоне и Сухуме. Многолетняя дружба связывала Вячеслава Яковлевича с писателем И.А. Новодворским, жившем в Абхазии. Шишков неоднократно гостил у него. Так, в одном из писем от 26 октября 1930 г. он писал: «Дорогой Иосиф Александрович! Простите за долгое молчание... Ваши рассказы прочел давно, но долго собирался написать о них. Они не плохи, в особенности второй... Хотя должен Вам заметить, что Вы еще не овладели в достаточной степени небольшим рассказом... И еще раз повторяю Вам: духом не падайте, пишите... Вам бы проехаться по России или заняться исторической, не связанной с современностью темой. Хотя бы из жизни той же Абхазии, восстановить довизантийский, византийский периоды, генуэзцев, может – скифов...».

В 1935 году Шишков с супругой Клавдией Михайловной посетил раскопки Херсонеса, а оттуда в середине октября прибыл в Сухум. Они сняли здесь две комнаты вблизи Ботанического сада, где жили около двух месяцев, до декабря. 3 февраля 1936 г. писатель отвечает Новодворскому: «Рад, что «Угрюм-река» заставила Вас немного поволноваться – это роман страстей, положенных на бумагу в меру моего среднего дарования. «Пугачев», к сожалению, будет, думаю, площе: ушли годы, не та кровь во мне, - охладела (разве что подогрею на сухумском солнышке) и чувствуешь большую узду выучки на своем пере, которая, черт бы ее драл, сдерживает размах естественного творчества. А это – может быть – лучше, а может – и хуже, я и сам не разберу, одного боюсь, как бы из живого родника не потекла дистиллированная водичка...».

На следующий год В. Шишков снова в Сухуме, где живет со 2 по 25 ноября. Здесь он работает над первой книгой «Емельян Пугачев», удостоенной позже Государственной премии СССР. Осенью Шишковы отдыхают в Гагре и в Новом Афоне, а 20-летие Великого Октября встречают в праздничном Сухуме. Работу над «Емельяном Пугачевым» Вячеслав Яковлевич продолжает и в 1938 г. В это время в Ленинграде состоялась специальная конференция историков под председательством академика Е. Тарле, одобрявшая роман писателя.

В октябре-ноябре 1938 года В. Шишков в последний раз приезжает в наш край. Он останавливается в сухумском доме отдыха «Синоп». В одном из его октябрьских писем читаем: «В «Синоп» ожидается Фадеев... «Тайна» Лаганского идет в Сухумском государственном театре. Но я ее еще не видел, зато видел «Марию Тюдор» Гюго. Любопытная, очень сценичная вещь я хорошо поставлена».

Таковы были осенние визиты в Абхазию В. Шишкова, побывавшего здесь в 20-30-х годах наряду с другими русскими поэтами и писателями - Андреем Белым и Осипом Мандельштамом, Владимиром Маяковским и Вадимом Шершеневичем, Василием Каменским и Виктором Стражевым.

С. Лакоба

«СОВЕТСКАЯ АБХАЗИЯ»

Суббота, 10 октября 1981г.

Послесловие

Прошло 45 лет с тех пор, как в газете была напечатана моя статья о Вячеславе Шишкове. Недавно натолкнулся на записи, сделанные, судя по всему, в 1985 г. в Центральном госархиве Абхазской АССР (ЦГАА). Это выписки из писем писателя сухумскому поэту (и фельетонисту) Иосифу Александровичу Новодворскому (1892–1949 гг.), который печатался под псевдонимом «Рибамбель». Он работал в местном Союзе писателей в тесном контакте с Д. Гулиа, С. Чанба и др. В 1935–1936 гг. общался в Абхазии с писателями К. Фединым, А. Фадеевым, В. Шишковым.

*На фото: К.М. и В.Я. Шишковы
с Г.Н. и И.А. Новодворскими в Сухуме*

Письма Шишкова Новодворскому охватывают значительный период (1926–1939) и в них много интересных подробностей, которые мне удалось тогда выписать, т.к. 22 октября 1992 г. наш архив (ЦГАА), а с ним и личный фонд И.А. Новодворского (фонд 847), были сожжены военными Госсовета Грузии. Выписки сделаны из 22-х писем В.Я. Шишкова (их было много больше), на которые я обратил особое внимание.

К этим письмам И. Новодворский написал свои «Примечания». Вот такие, например:

- В письме от 5 марта 1926 года Вячеслав Яковлевич [Шишков] упоминает Джапаридзе. С. Джапаридзе был редактором газеты «Трудовая Абхазия».
- В письме от 15 июля 1926 года упоминается поэт Прасолов. Он был членом коллегии защитников при НКЮ[стиции] Абхазии. Докучал Вячеславу Яковлевичу своими плохими стихами.
- В письме от 21 марта 1927 года упоминается «светлейший князь» [А.Г.] Шервашидзе. Это колоритная фигура в Сухуме. Толстый, важный, одетый в черкеску. Он с удовольствием рассказывал, как бывал в Петербурге при дворе, что именно он там ел и пил. «Если он мемуары напишет, то из них потечет вино», – говорил о Шервашидзе Вячеслав Яковлевич.

Здесь следует сделать небольшое отступление. В 1929 г. в Сухуме под псевдонимом Рибамбель (И. Новодворский) вышел сборник его шуточных стихов «Сухум с точки зрения. Почти лирика». В письме Шишкова от 17 сентября 1929 г. его автору сказано, что сборник прочли «под запал». В нем же отмечалось: «У Вас есть стиль, наблюдательность, а главное – изящное остроумие, явление редкое. Ну, чего ж Вам еще...» И далее: «У нас пока идет очередная перепалка по делу Пильняка. Как все это надоело. Будьте здоровы. Пишите. Ваш Вяч. Шишков».

Приятное впечатление на писателя произвело стихотворение «В Сухумском кафе», к которому И. Новодворский эпиграфом взял строчку из Вадима Шершеневича – «О, Сухум! О, Кавказская Ницца!».

Среди больших и малых луж
Столов сверкает мрамор гладкий.
Кричит кофейщик – «Мек ануш!»
Что в переводе значит «сладкий».

Мелькает в воздухе поднос,
Звенит дымящаяся чашка.
Измазал в гуще острый нос
Какой-то грек, вздыхая тяжко.

На полке дремлет шоколад
Так соблазнительно и мирно.
Над ним цена «Рубль шестьдесят...»
– Нет, рубль шесть гривен – это жирно!..

Войдя в неистовый азарт,
Стуча в волненьи кулаками,
Два человека подле нарда
Шипят все время индюками.

Чтоб уплатить, – гляжу в карман,
А там – унылые просторы.
Ложится на поля туман
И, разумеется, на горы...

Однообразен моря шум,
Однообразны дни и лица...
О, ослепительный Сухум,
Скажи, ты Ницца иль не Ницца!

Но вернемся к «Примечаниям». Новодворский сообщает:

- К письму от 3 февраля 1936 года. Коля Микава – писатель, бывший секретарь Союза советских писателей Абхазии.
- К письму от 13 ноября 1936 года. С.Я. Чанба – председатель Союза совет. писателей Абхазии. Ныне репрессирован.
- К письму от 13 ноября 1937 г. Ниночка – Н.В. Данилевская, в то время переводчица и литературный консультант Союза

совет. писателей Абхазии. Александр Емельянович – ее муж.
Впоследствии Н.В. Данилевская заболела алкоголизмом.

- К письму от 18 января 1939 года. Георгий Гулия – писатель, сын Д. Гулия, народного поэта Абхазии.

Некоторые, на мой взгляд, представляющие определенный интерес фрагменты из эпистолярного наследия В. Шишкова, следует вернуть из небытия – ведь «рукописи не горят».

5.III-26

[Ленинград] Караванная, 18, кв. 8

Многоуважаемый Иосиф Александрович.

<...> Вчера слушал и смотрел новую оперу Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» – в Мариинском театре. Очень занятно. Постановка превосходная. Оригинально. В особенности первое действие – нечто вроде Вальпургиевой ночи – черти, чертенята, ведьмы, колдуны, вьюга, пламя, дым, вой. И музыка такая жуткая, мистическая. Спасибо за сухумские новости. Поклон всем, кого мы с вами встречали. А с Джапаридзе мы ехали на пароходе, и ему поклон. Как поживает море? Поклон ему.

Ваш Вяч. Шишков

23-IV-26

Караванная, 18, кв.8

Милый Иосиф Александрович.

«Записки тапера» прочитал с интересом. Как первый Ваш опыт – эту вещь надо признать довольно удачной. Признаться, я не ожидал, что Вы справитесь с своим заданием – первые шаги всерьез вообще трудны – и был приятно удивлен. И скажу Вам: если Вы будете вдумчиво и неторопливо работать, Вы сумеете выбраться на настоящую литературную дорогу.

<...>

Недостатки: растянутость /надо дорожить временем читателя и давать вещи насыщенной концепции/, чрезмерное увлечение описанием самого процесса игры автора записок на пианино, вообще всякие подробности утомляют и расхолаживают внимание. А потом у Вас не чувствуется юга, Кавказа, моря – вместо этого дан просто

захолустный городишка неизвестно где. Показали сотню людей и ни одного абхаза. Повесть могла бы выйти: ярче и читабельней. Психологизм психологизмом, но надо давать и аромат жизни. Этого у Вас нет.

<...> Мой совет: работайте. Берите факты по цветистее и почувствуйте себя на бумаге посмелее, не взнуздывайте фантазию...

Ваш Вяч. Шишков,

15-VII-26

Караванная, 18, кв.8

Дорогой Иосиф Александрович.

Спасибо Вам за Ваше ласковое, нежное письмо, на которое я долго собирался ответить. Получили ль Вы № Красной Панорамы с Вашим рассказом?

<...> Но ведь Вы человек, как абхазец, пылкий, нетерпеливый.

Куда поеду, не знаю еще. Но не исключена возможность, что осенью встретимся с Вами в Сухуме. Думаю пожить возле Батума: ближе к цивилизации – железной дороге. Но это еще в проекте.

Пока езжу по нашим пригородам: Детское (Царское) село, Петергоф, Павловск. Поразительной красоты парки, насквозь пронизанные большого масштаба искусством. В эту субботу еду не надолго в древний Псков. А пока всего хорошего Вам.

Ваш Вяч. Шишков.

12-I-27

Детское Село, Колпинская, 20, кв.1

Дорогой и милый Иосиф Александрович.

<...>

Теперь сижу в Детском, среди дремучих, покрытых пуховыми снегами парков. Когда нужно, езжу в Питер, где у меня комната на Караванной.

Привет Сухуму, Абхазии и Черному морю.

Ваш Вяч. Шишков.

21-III-27

Детское Село

<...> Я бы рекомендовал набивать руку на небольших, в лист, сюжетных рассказах.

Всего Вам хорошего. Привет югу и светлейшему князю тов. Шервашидзе.

Ваш Вяч. Шишков

3.XII-28

Детское Село, Малая, 14

Любезный Иосиф Александрович.

<...> Ведь Вам известно, что моя повесть «Диколыче» запрещена Главлитом. А 24 ноября получил из З.И.Ф. известие, что запрещены предназначенные в очередные тома следующие, уже печатавшиеся ранее, рассказы: «Трактор», «В рабочем клубе», «Дни восстания в Петрограде», «Вокруг немцев», «Вольный город Кронштадт» и «Тревожные дни». Кроме того запрещены из 5 пьес /небольших/ – 4.

Но я все-таки не унываю, пишу, хотя совершенно отказываюсь понимать, против какой правды я в своих работах пригрешаю. Когда пишешь, всегда стараешься, чтобы работа увидела свет. Излишняя подозрительность верхов совершенно сбивает меня с толка. Но я все-таки пишу. Заканчиваю повесть на 4 листа из жизни беспризорных «Филька и Амелька».

<...>

Привет Вам и супруге от меня и Клавдии Михайловны.

Всем сердцем Ваш

Вяч. Шишков.

15-V-34

Д. Село.

Московская, 7.

Дорогой Иосиф Александрович.

<...> На сентябрь с Кл. Мих. в Кисловодск, а на октябрь хотелось бы в Сухум, но не в городе жить, а в саду у Смецкова или, еще лучше, в дальнем, забыл, как он зовется. Не откажите при случае узнать, можно ли там в октябре найти какую-нибудь комнату и хороший обед. Большое Вам спасибо сказал бы я. Жить же в городе – очень далеко от купанья, пыльно и утомительно ходить. <...>

Ваш Вяч. Шишков.

8-VIII-34

Дорогой Иосиф Александрович.

<...> Не собираетесь ли на съезд и Вы в качестве делегата от абхазских писателей.

Ваш Вяч. Шишков.

Д. Село

Московская, 7

16-XII-35

<...> Шлем поклоны Коле Микава, С.Я. Чанба и прочим выдающимся писателям Абхазии.

Целую Вас Вяч. Шишков

К.А. Федин уже купил для Вас подарок, а я еще нет. Его подарок очень хороший, я видел, но не скажу какой.

8.XII.36

Дорогой Иосиф Александрович.

<...> Костю Федина я видел вскоре же после своего возвращения из Абхазии, обедал у него, говорил о Вас...

Статью Вашу о Гулии я передал в «Литер. Ленинград». В ближайшем № пойдет. На днях отправлю и в Москву.

<...>

Ваш Вяч. Шишков.

30.I.37

Дорогой Иосиф Александрович.

<...>

P.S. Как прошли юбилейные торжества Д.И. Гулия.

г. Пушкин

2.III-37

<...>

Ваш очерк о Гулии наши газетные дураки проворонили поместить. Я выговаривал редактору «Литер. Ленинграда» на правлении. Оправдываясь, он говорил, что его сбила полученная из Сухума телеграмма, что юбилей откладывается, а тут, мол, разные дела, то процесс троцкистов, то Пушкин.

г. Пушкин

24.VII-37

Дорогой Иосиф Александрович,

<...> А мы на октябрь едем в Новый Афон, я по путевке от Литфонда, а Р.Я. и Клава где-нибудь найдут притык в частном домишке.

31.VIII.37

<...> Поведение Чанбы по отношению к Вам – более, чем непонятно. Ваша внимательная и постоянная помощь абхазским писателям, казалось бы, заслуживает другого к Вам отношения.

Новые Гагры,

Дом отдыха Литфонда

9 октября 37

Дорогой Иосиф Александрович.

Мы поселились в прекрасном домике, не высоко и не низко, окна на море...

От путевки /бесплатной/ в Н. Афон я отказался, буду до середины ноября жить здесь: в Афоне отдыхающих 700 человек, общая столовая в б. соборе – шум, гам, звяк посуды – мозгу отдыха нет... Приезжайте к нам в гости, а мы к Вам, сто верст не расстояние. А можно и прилететь говорят – 20 минут идет самолет.

Погода у нас дивная, как и у Вас, наверное. Разочек уже купался в море. Вода не особенно холодная.<...>

Ваш Вяч. Шишков.

21.X.37

Гагры

<...> Срок здешнего житья кончается у нас пятого. А вообще проживем на Кавказе до 15-го. И повидаться с Вами друзьями нашими, весьма охота. Тут было несколько дождливых дней, подъем в нашу квартиру был грязен, а в общем устроились хорошо, погода дивная, но холодноваты ночи. Усиленно читаю, перечитал Джека Лондона, знаменитые «Мистерии» Гамсуна, сейчас – Дюма, «Граф Монте-Кристо».

Всем скопом шлем свой поклон Вам и Гайане Никитишне.

Ваш Вяч. Шишков.

P.S. 20. Вчера поехали на оз. Рицу, нас не пропустили, поехали в

Пицунду – тоже, тогда всей компанией поехали в Н. Афон, пробывли там до 7 ч. вечера...

Гагры.

13.XI.37

Дорогие и милые Гайяне Никитишна и Иосиф Александрович.

<...>

16-го мы уезжаем, а погода дивная и ехать, признаться, не охота. Эти дни много гуляем по горам, по прекрасным ущельям в компании молодых художников – мужа и жены и их пятилетнего Илюши...

Помаленьку покупаем мандарины, уже купили целую сотню, крупные, спелые, по полтине штука.

<...> А как ехали мы от Вас, свалилось в дороге колесо, проканителелись и пред Гудаутами стали зябнуть. Клава приказала, чтоб я дернул в Гудаутах водки, я так и сделал, хватил стакан за рубль тридцать пять копеек и всю дорогу ехал веселенький.

Ну-с, до свиданья. Крепко Вас обоих целуем...

Любящий Вас Вяч. Шишков.

«Послесловие» и письма подготовлены к печати С.З. Лакоба.

Стиль, орфография и пунктуация документов сохранены без изменений.

**О СЕДОЙ ДЕВЧОНКЕ, НАПОМНИВШЕЙ
ДЖУЛЬЕТТУ МАЗИНУ...**

*(Воспоминания художницы В.Д. Бубновой
о встрече с А.Т. Твардовским)*

Еще с прошлого века у меня сохранилась синяя, выгоревшая от времени, ученическая тетрадка с небольшой зарисовкой о встрече Варвары Бубновой с Александром Твардовским. Художнице было тогда 82 года, а писателю – 58 лет.

Варвара Дмитриевна подарила мне на добрую память свою рукопись. Сам текст этого небольшого фрагмента в свое время публиковался в журнале «Литературная Грузия» (1977. № 8. С.49–52) и частично в книге Вианора Пачулиа «Русские писатели в Абхазии» (Сухуми.1980. С. 81–82).

Привожу вариант ее рукописи:

«В один из декабрьских вечеров 1968 г. председательница нашего Союза художников [Абхазии] М.Е. Эшба предупредила меня, что приедет в мою мастерскую вместе с поэтом Ал. Триф. Твардовским и его женой, М[арией] Илларионовной [Горелова], гостившими тогда в Сухуми, и что встреча состоится в тот же вечер.

Мою комнату трудно назвать «мастерской»: тут не видно, ни рабочего места, ни рабочих орудий художника, лишь в беспорядке лежат книги на письменном столе и полках, в беспорядке стоят стулья разной формы и разного времени; лампа, горящая под потолком, не столько освещает, сколько разливает черные тени по углам. В таком полумраке встретила я в тот вечер своих дорогих гостей, и не смогла рассмотреть черты любимого поэта; но поняла, что и он не отличил меня, как хозяйку мастерской. Но меня эта нечаянная встреча взволновала. В мою “мастерскую” приходили лишь молодые художники за советом и критикой, для беседы о живописи, да и то не часто: все были перегружены житейскими заботами.

Между тем в мастерской продолжился разговор о журнале, руководимом Твардовским, о “Новом Мире”; очевидно, он начался еще в пути и беспокоил его редактора. Однако, я полагала, что поэт и его жена приехали познакомиться с моими работами. Пока я старалась

удобнее устроить Твардовского перед низким столом, за которым я обычно показывала свои листы акварели, из темного угла, куда забралась М[ария] Илларионовна, послышался ее веселый и задорный вопрос: «так что же такое реализм?» Конечно, никто не смог сразу ответить на этот старый вопрос, но от него мне стало сразу уютнее и взволнованность, мешавшая мне, сразу улеглась.

Твардовский принялся молча рассматривать мои акварели; в некоторые он всматривался подолгу, отдаляя и приближая их к глазам, будто стараясь понять скрытые в них мысли. Вероятно, как и многие скромные художники, я не была слишком высокого мнения о своих работах и боялась, что от напряженного внимания поэт утомится. В мастерской было тесно, я сидела за спиной Твардовского, не видела его лица, а он молчал. С некоторым смущением я заговорила о том, что интересовало меня; я сказала ему приблизительно следующее: «Я пишу статьи по теории живописи, чтобы помочь молодым художникам, которые не находят помощи, от своих учителей, или от школ. Я говорю в них о сущности искусства живописи, особенно о живописи изобразительной, об общности ее конечных целей с целями других великих искусств, и в то же время подчеркиваю особенности ее техники, направленной на выполнение этой цели, т.е. о специфике ее рабочих путей, отличающуюся от путей всех других искусств. Как художник старый по возрасту, видевший и изучавший живопись изобразительную многих эпох, разных стран и народов, имевший счастье встретить настоящих руководителей и учителей по теории и практике искусства живописи, я считаю своим долгом передать моим товарищам по работе мои знания и мой опыт». После паузы я прибавила: «Опубликовать мои статьи мне не удастся».

Твардовский молчал. Потом он сказал: «Искусству учить нельзя. Я вот не учился, но вот пишу...» Вскоре он встал и стал прощаться. Он мне показался очень утомленным. М. б. в этом была виной моя длинная неловкая тирада?

В передней, куда я провела всех гостей, Мария Илларионовна подошла ко мне и тихо сказала: «пошлите ему ваши статьи, он их прочтает». Этот совет я выполнила не откладывая и довольно скоро получила ответ от Твардовского. Его уже нет в живых, и своей рукой я не могу повторить тех чудных слов, которыми он наградил мои скромные статьи. Я почувствовала его огромную любовь к великому искусству слова, его большую доброту ко мне, скрытую в тот вечер

за большой усталостью от работы и борьбы за честность русского слова, за силу русской литературы.

Теплотой и вечной памятью сердца живет во мне образ большого русского поэта, Александра Трифоновича Твардовского».

Из дневника А. Твардовского становится ясно, что встреча состоялась в сухумской квартире художницы не в декабре, а 25 октября 1968 года. Писатель пишет: «Вечером были у художницы Бубновой Варвары Дмитриевны, о кот[орой] только знал со слов Т. Аршбы “Сов[етская] Абхазия”), что она прожила лет 30 в Японии. Живопись, во всяком случае незаурядная, а сама – девчонка с седой челкой (лет ей 70 – не меньше), чем-то напоминающая киноактрису Мазину». (Александр Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов. (Знамя. 2003. № 10)).

Не меньше, чем живопись А. Твардовского поразил и образ Варвары Дмитриевны, которая напомнила писателю итальянскую киноактрису Джульетту Мазину...

Известны также несколько писем Твардовского Бубновой (от 24 декабря 1968 г., 27 августа 1969 г. и др.), в которых он высоко отзывается о ее творчестве как художника и литератора.

Об их контактах упоминает и известный японовед Ирина Петровна Кожевникова, посвятившая Варваре Дмитриевне ряд фундаментальных работ (См.: Кожевникова И.П. Варвара Бубнова – русский художник в Японии. М. 1984. С. 214; Она же. Варвара Бубнова. Русская художница в Японии. М. 1988).

В один из декабрьских вечеров 1968.
председательница нашего Союза Кудожников
И.Э. Энда предупредила меня, что придется
в мою мастерскую вместе с поэтом Ал. Твардовским,
Твардовской и его женой, Л. Успенской,
гостившими тогда в Сухуми, и что встреча
состоится в этот же вечер

Много ~~настроений~~ ^{комнат} тесно называет
"мастерской": тут не видно, где рабочего
места, ни рабочих орудий Кудожника, лишь
в беспорядке лежат книги на необлагоден
стойке и полках, в беспорядке сидят
саушки разной формы и разного времени;
и лампочка, жгущая под потолком, не
сильно освещает, сколько разливает свет
меня по углам. В такой обстановке Верейкина
я в этот вечер своих друзей гостей.

Страница рукописи воспоминаний В. Бубновой о Твардовском

АЛЕКСАНДР КУЛАНОВ¹

ДЕЛО «БАРОНЕССЫ ДЕ СТАЛЬ»

На фото: Лидия Шталь

30 марта 1934 года читатели «Правды» и «Известий» впервые увидели ставшую потом знаменитой формулировку: «ТАСС уполномочен заявить».

Полностью сообщение агентства выглядело так: «В связи с появившимися во французской печати утверждениями, будто группа

¹ Автор – сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН.

лиц разной национальности, арестованная в Париже по обвинению в шпионаже, занималась таковым в пользу СССР, ТАСС уполномочен заявить со всей категоричностью, что эти утверждения являются ни на чём не основанным клеветническим вымыслом».

«Бацилла большевизма»

Всего за день до этого на заседании политбюро ЦК ВКП (б) с разгромным докладом «О кампании за границей о советском шпионаже» выступил Сталин. Причиной гнева вождя послужил грандиозный скандал во Франции, где полиция ликвидировала разведывательную сеть советской военной разведки. Заместителю наркома иностранных дел СССР Николаю Крестинскому было поручено в тот же день «представить текст опровержения ТАСС для опубликования в печати».

Успехи резидентуры IV Управления штаба РККА во Франции выглядели неоднозначно с самого начала её работы в феврале 1921 года. Первого резидента французы арестовали уже в 1922 году. Работу восстановил новый, но его задержали в 1924-м. В апреле 1927-го взяли сразу около 100 (!) человек, а в декабре 1933-го французская полиция арестовала 17 человек и ещё 15 объявила в розыск. Среди них были разные люди, но самой известной стала женщина, которую именовали «баронессой де Сталь».

И тогда, и сейчас исследователи путаются в её фамилии (Сталь, Шталь, де Сталь, Чкалова, Шкалова), но уверенно награждают даму её незаслуженным титулом, к тому же приписывают ей никогда не имевшие места приключения. Во-первых, раз советская шпионка, значит, проститутка. Во-вторых, если баронесса, стало быть, окрутила престарелого аристократа (вроде как его звали Роберт). Ах, на момент ареста ей было уже 48? Тогда содержательница притона. В-третьих, с её биографией после ареста всё ещё запутаннее. Выйдя на свободу, «баронесса де Сталь» то ли вернулась в Советский Союз, то ли работала во Франции на гестапо. Или на абвер. Пишут, что в 1940-м немцы искали её по всем тюрьмам Франции (зачем?), нашли. Перевербовал её лично адмирал Канарис (?!), потом она уехала в Южную Америку и после войны жила в Аргентине.

Чтобы хоть немного разобраться в этой истории, я открываю дело №19897, заведённое ГУГБ НКВД СССР на ШТАЛЬ Лидию Георгиевну, арестованную в Москве 25 июня 1938 года по ст. 58 п. 10 УК РСФСР.

Лидия Чекалова родилась 12 ноября 1885 года в Ростове-на-Дону в семье винодела и дочери священника. Получила домашнее образование, позже поступила в гимназию и с 7-го класса начала подрабатывать уроками французского, который обожала с детства. Причина проста: «Уже с 12 лет, начитавшись книг о Франции, я создала себе мечту поехать учиться в Париж». Накопила 1000 франков и уехала. Поступила в Сорбонну, репетиторствовала русским студентам, получила диплом преподавателя французского языка, но университет не оставила. В 1907 году Лидия Чекалова поступила в Школу физики, химии и естественных наук, где в 1911-м познакомилась со студентом из Петербурга. Он был моложе Лидии на два года, звали его Борис-Иоганн-Александр, или просто Борис Фёдорович Шталь. Бароном он не был. Его отец относился к купеческому сословию, владел роскошным домом на Малой Морской, 14 в Петербурге, виноградниками в районе Бахчисарая и кирпичным заводом близ Севастополя. Скоро дети виноделов поженились, но учёбу в Париже не бросили. Отдыхали дома и в Европе (Лидия стала заядлой мотоциклисткой и колесила по Северной Италии). Получив естественно-научное образование, собрались писать диссертации, но началась Первая мировая война.

Штали вернулись в Россию. Лидия вспоминала потом: «Война произвела на меня удручающее впечатление, и я не нашла ничего лучше, как заболеть острой неврастенией». В мае 1915 года её отправили на лечение в санаторий под Гельсингфорсом. Муж навещал её, и в октябре 1917-го у них родился сын. Но отношения в семье к тому времени уже разрушились, тем более что на возможности выхода из войны муж и жена смотрели по-разному. «Война – это экзамен. Мой муж этого экзамена не выдержал», – писала Лидия, которую тесное общение с финскими социалистами привели к марксистским идеям. Борис её взглядов не разделял, в итоге он «разочаровался в революции и решил бежать» через Константинополь в Америку.

Лидия осталась в Гельсингфорсе, и когда в 1920 году оформила развод, лидер финских социалистов Отто Куусинен предложил ей поработать на советскую разведку. Шталь удивилась: «Но что же я буду делать? Ведь я даже Маркса не читала!». Куусинен рассмеялся: «Ничего. Вам пока и не надо. Достаточно того, что вы – бацилла большевизма».

«ТАСС уполномочен заявить...»

«Бацилла» планировалось отправить в Лондон, но англичане не дали визу, и Шталь вернулась в Париж. Перевела на французский и издала книгу своего приятеля Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Продавала свои золотые украшения, личные вещи.

В 1921 году заработала резидентура, и Шталь узнала, что нелегалам тоже платят. Ей поручили техническую работу. Она научилась профессионально фотографировать, много переводила, выполняла функции связной, периодически привлекалась к операциям сугубо разведывательного характера. Особенностью работы французской резидентуры была текучка кадров: малоценные агенты приходили на несколько месяцев, а затем бесследно исчезали, сохраняя в памяти адреса явок и имена кураторов. Это не могло не приводить к провалам, в 1927 году это случалось дважды. Лидию Шталь успели спрятать в США.

Там она поступила в Колумбийский университет. Ещё в Париже увлеклась Китаем, а в Америке получила степень магистра синологии, написав диссертацию на тему «Русское влияние на китайскую революцию». Заслужила уважение у нового шпионского начальства, хотя звёзд с неба не хватало. В служебной характеристике 1931 года советский резидент в Нью-Йорке отзывался о ней так: «Ценный работник. Романтична и работает искренне. Старается делать всё лучше, но часто у неё не получается. Надёжна. Для аппарата безусловно полезна».

Годом позже в характеристике Лидии Шталь снова отмечалась не вполне нормальная для обычного человека и абсолютно ненормальная для разведчика наивность. Так, при оформлении для неё

документов прикрытия на другую фамилию «она совершенно серьёзно спрашивала... допустимо ли обманывать чиновника, говоря, что её фамилия та, которая написана в бумаге». При этом, сообщая об этом казусе в центр, резидент уверенно добавил: «Для нас она работала, работает и будет работать».

В начале 1930-х на след Шталь вышла американская полиция, и в Москве решили вернуть её на работу в парижскую нелегальную резидентуру. Весной 1930-го Лидия снова оказалась во французской столице, где у неё появилась фотостудия. Но вскоре и в Париже за Шталь обнаружилась слежка. Учитывая образование разведчицы, её решили перевести в Китай (Шанхай только что покинул резидент «Рамзай», Рихард Зорге, и там шла активная перестройка работы), но сначала вернули её в США. В декабре 1930 года Шталь прибыла в Нью-Йорк, но в мае следующего года агенты ФБР «сели на хвост» вечной студентке, заодно составив её словесный портрет: рост около 170 см, вес – 63–65 кг, волосы тёмные, короткие, прямые, кожа светлая, похожа на еврейку. Многие из контактов Лидии Шталь оказались «под колпаком у Гувера», но ордер на её арест не был выписан.

В Китай Лидии не суждено было уехать. Из-за очередного провала резидентуры во Франции Москва вернула её в Париж. Она снова оказалась в Сорбонне и возобновила тесные отношения со своим давним другом профессором Луи Мартеном, ранее служившим переводчиком в руководстве Национальных военно-морских сил Франции. По-прежнему специализировалась на технической работе резидентуры, хотя, видимо, однажды была привлечена к вербовке журналиста Бранко Вукевича, отправившегося после этого в Токио, в помощь Зорге.

19 декабря 1933 года Лидия Шталь была задержана французской контрразведкой. На следствии и суде, искренне улыбаясь, она всё отрицала и обращала внимание на абсурдность обвинений: «клеивала стены комнаты секретными чертежами французских фортов» – кто это будет делать в здравом уме? Не признавала знакомства ни с кем из арестованных. Пресса, жаждавшая создания образа новой Маты Хари, была в бешенстве.

Процесс оказался не только долгим, но и оглушительно громким. На шум пришлось отреагировать даже Москве. Тогда и появилась та самая формулировка: «ТАСС уполномочен заявить».

«Товарищ понял неправильно

На суд это, конечно, не повлияло, но французская Фемида не отличалась суровостью. Большинство участников советской разведывательной сети получили тюремные сроки в три-пять лет и крупные денежные штрафы. Шталь приговорили к пяти годам тюрьмы за «предоставление технического оборудования, использовавшегося в шпионской работе», выплате трёх тысяч франков в пользу французского государства и высылке из страны по истечении срока наказания. Услышав приговор, она заплакала.

Не отсидев полного срока, в августе 1937-го она была освобождена, попыталась задержаться в Париже и села за это ещё на три месяца, а в декабре 1937-го вернулась на родину – в самый неподходящий момент. Лидию Георгиевну приняли на службу в разведку в качестве преподавателя иностранных языков, но она оказалась, по её собственному признанию, «очень мало знакома с действительной жизнью СССР, вела себя исключительно доверчиво, смотря на каждого гражданина, как на какого-то товарища, который поймёт меня». «Товарищ» понял неправильно: ученица Шталь, член австрийской компартии Елизавета Г., бравшая у неё уроки французского, написала на преподавательницу донос. То ли дело было в трудностях перевода, как настаивала на том Шталь во время следствия, то ли она по наивности позволила себе лишнего, рассуждая о популярности Гитлера в Германии: «Фашизм – это необходимый этап, через который должны пройти обязательно капиталистические страны... Эта экономическая система вполне идеологически обоснована национально-расовой программой. Должен родиться ещё Маркс или Ленин, которые могли бы научно опровергнуть фашистскую идеологию». Этого было достаточно. Следователь дважды подчеркнул последнюю фразу красным карандашом, отметив, что подследственной Шталь явно недостаточно разоблачений фашизма, выполненных товарищами Сталиным и Димитровым.

На суде в Москве Лидия Георгиевна, как и в Париже, всё отрицала, каялась только в болтливости. Других свидетельств вины найти не удалось, и приговор оказался на удивление мягким: три года ссылки в Казахстан. Срок закончился 25 июня 1941 года, когда возвращаться в Москву стало бессмысленно. Лидия Шталь осталась в Семипалатинске, поступила на работу преподавателем английского языка в местный геолого-разведочный техникум. В 1949-м там произошёл какой-то инцидент, суть которого пока не известна. Возможно, Лидия Шталь опять не взвесила должным образом свои слова и была арестована. Снова три года – то ли высылки, то ли лагерей, но так или иначе «баронесса» из Ростова выжила.

29 сентября 1954 года Лидия Георгиевна подала на реабилитацию, ждать ей пришлось долго. Все официальные обвинения были сняты в октябре 1956 года. Справка о реабилитации пришла на новый адрес: Сухуми, улица Сталина. Не Аргентина и не Лазурный Берег, но пальмы и море тоже есть.

Журнал «Дилетант», № 79 (июль 2022)

СУХУМСКИЙ ПЕРИОД «МАДАМ ШТАЛЬ»

Исторический очерк Александра Куланова «Дело «баронессы де Сталь» (жур. Дилетант. 2022. Июль. № 79) посвящен легендарной разведчице 20–40-х гг. прошлого века Лидии Георгиевны Чекаловой (по матери Левицкая), известной под именами – баронесса де Сталь, фон Шталь, де Сталь, мадам Сталь, Чкалова, Шкалова. Она прогремела тогда на весь мир и была не менее известна, чем Мата Хари.

Ее авантюрная жизнь сложилась трагически, Шталь подвергалась репрессиям и преследованиям во многих странах мира, пока волны судьбы не вынесли ее на абхазский берег. Известно, что справку о реабилитации она получила в октябре 1956 г., находясь уже в Сухуми (ул. Сталина, 3). «Не Аргентина, и не Лазурный берег, но пальмы и море тоже есть», – заключает автор очерка.

О сухумском периоде фон Шталь практически ничего не известно. Между тем, здесь, в Абхазии, она прожила свои последние четверть века (примерно с 1956 г. по 4 ноября 1981 г. – по архивному свидетельству о смерти) – без потрясений, в одиночестве и с воспоминаниями о прошлом. Лидия Георгиевна (род. 14 октября 1885 г.) ушла из жизни на 97-м году жизни.

Если открыть «Справочник Сухумской городской телефонной сети» (Сухуми. 1975), то на с. 295 упомяната: «Шталь Л.Г., ул. Лакоба, 110. тел. 2-82-07».

Кое-что удалось узнать о ее личной жизни, преподавательской работе, частных занятиях по английскому языку. Некоторые ученицы рассказали много интересного об этой удивительной, неординарной женщине. Одна из них, Нино Тодуа, поделилась не только ценными воспоминаниями, но и предоставила редкую фотографию Лидии Георгиевны с дарственной надписью.

«В возрасте 8 лет [в 1971 г.], – сообщает Н. Тодуа, – я начала изучать английский язык. Моей первой и последней учительницей была Шталь Лидия Георгиевна. Я познакомилась с ней, когда ей было около 80 лет. Это была очень грамотная, всесторонне развитая женщина, которая обладала способностями расположить к себе и оказать

на тебя влияние. Она удивительным способом прививала любовь к языку, будучи совсем ненавязчивой.

Она носила платья в пол. У нее всегда было каре и химическая завивка, красила губы ярко красной помадой, курила сигареты с мундштуком. Любила слушать классическую музыку. В комнате, рядом с диваном, стоял стол, весь в книгах. Книги были повсюду – на столе, в кресле и в книжном шкафу. У нее было много учеников. Среди них юристы, литераторы и врачи. На двери (входной) висела табличка с ее фамилией и инициалами. До того как она переехала жить на улицу Лакоба, 110, кв.31, она проживала на набережной, рядом с магазином по продаже марок (филателия). Г-н Муджа [имеется в виду Муджа Цулая, известный в советское время делец, «подпольный миллионер»], у которого она снимала комнату, подарил ей однокомнатную квартиру, в которую она въехала между 1968–1970 годами, в знак благодарности за то, что она обучила его детей английскому языку.

Сама Лидия Георгиевна приехала в Абхазию из Семипалатинска (отбив ссылку). Друг нашей семьи Платонова Любовь Павловна [следователь] сказала моим родителям, что она очень интересная и даже загадочная личность, и что она по сей день находится на учете.

Последние годы жизни ее досматривала наша соседка. Звали ее т. Оля. Она продала ее квартиру и забрала к себе. Она была тоже не молода уже... Точно не могу сказать, но похоронена вроде бы на Михайловском кладбище...

Я занималась у нее с 3 по 8 класс, пять лет. Больше она уже не давала уроки.

Знаю, что в Москве у нее была квартира, но она подарила ее своим друзьям...

Вообще она очень хорошо выглядела. Никогда не видела ее в домашнем халате. Всегда была в платье и при помаде».

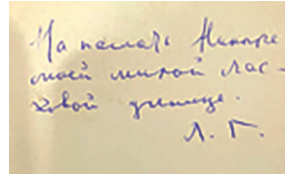
Поделилась своими яркими зарисовками и Елена (Леша) Кобахия:

«Я совсем недолго занималась с ней. Всего несколько месяцев, 2 или 3. Очень интересная была дама с потрясающим чувством юмора. Будучи весьма ограниченной в средствах, называла себя «Лидочкой – владелицей

миллионов». Всячески игнорировала советскую действительность, сосредоточившись на воспоминаниях. Жила в однокомнатной квартире, заваленной книгами. Центром ее бытовой вселенной был стол, на котором в одной ей ведомом порядке лежали лупа (очень важный инструмент для чтения), стопка журналов «Иностранная литература» и много всякой всячины. Поскольку она уже плохо ходила, она организовала жизнь вокруг стола. Смутно помню историю о муже, который владел винными погребами... Единственный сын, кажется, утонул еще ребенком. Страшно расстраивалась, когда вспоминала, и почему-то украдкой показывала его фотографию в матросском костюмчике. На стене висела великолепная работа Ладо Гудиашвили. Все остальные живописные работы стояли лицом к стене. Родных и близких уже, как я понимаю, не было. Кто-то приходил помогать по дому... Помню, один раз я ее пригласила в нашу филармонию на гастролировавшую тогда труппу Чабукиани (грузинский балет). Она так отличалась своим незаурядным внешним видом: шляпка, перчатки, инкрустированный перламутром гигантский веер (который, впрочем, она легко заменила не менее гигантским махровым полотенцем – было очень жаркое лето, и она попросила завернуть его в красивую бумагу и взяла с собой). И да – бинокль конечно же! Причем, не театральный, а большой (Цейсовский). Сама она была довольно крупной женщиной, но в старости она уже сгорбилась и носила трость или зонтик. Вообще к своей персоне относилась с самоиронией, все время шутила. Видимо, в молодости любила эпатировать публику. С каким-то задором и дерзостью нарушала общепринятые правила. Голова была крупная, седая, с легкой волной челки (что-то вроде каре)... Была чрезвычайно образована, много читала, в основном, иностранную литературу. Была лично знакома и дружила с многими переводчиками – помню, чаще всего вспоминала Риту Райт. Та ей писала частенько, и она всегда что-нибудь цитировала из ее писем. Знала поэзию серебряного века, тоже часто цитировала. Видимо, к старости стала подозрительна и пуглива. Все время хотела куда-то уехать, но понимала, что не сможет. Ей уже тогда было лет 90 или около того (это было где-то в 80-е годы, в самом начале)... Да, жила она в доме напротив [гастронома] «Волны» на 4 этаже. Сама спускаться уже не могла, поэтому визит ее в театр был ее последним путешествием по городу».

На фото: Лидия Шталь

Автограф Лидии Шталь;
«На память Ниночке
[Нино Тодуа] – моей
милой ласковой ученице.
Л. Г.»

На фото: Лидия Шталь (в молодости)
Фото из частного архива (г. Сухум)

Лиана Кварчелия:

«У нее занималась Леша Кобахия. Она ее получше знала. Я просто узнала про занятия Леша и по собственной инициативе пошла к ней. Но у нее уже с памятью были проблемы. Интересная была женщина... Занималась я у нее в 75 и 76 г. В 76 я окончила школу, последний год у нее ходила... Я ее называла “мадам Шталь”... Она одевалась как в 30-е годы, комната была заставлена книгами и фотографиями времен ее молодости. И говорила она изысканно... Дверь не запирала, вообще жила в своем мире».

Вот лишь три интересных свидетельства о жизни, характере «мадам Шталь».

Известно также, что она довольно близко и непродолжительное время общалась с эксцентричным скульптором Сандро Размадзе...

Вообще было бы интересно выслушать и многих других сухумцев, которые помнят Лидию Георгиевну Шталь. Надеюсь, что тема получит свое продолжение.

Станислав Лакоба

Сократ ДЖИНДЖОЛИЯ

НЕИЗБАЛОВАННЫЙ СУДЬБОЙ УЧЕНЫЙ

Может показаться странным, но мои первые детские воспоминания о моем дяде, Иване Андреевиче Аджинджал, связаны с иностранным языком. Отчетливо помню, как он расхаживал по длинному балкону просторного деревенского родительского дома в Бедии и вслух повторял странные звуки, непонятного никому из домочадцев, языка. Это потом, гораздо позже, я узнал, что учил он французский язык, готовясь к защите диссертации. А тогда, моя бабушка, – его мама заботливо оберегала его от любопытствующих односельчан, которые горели желанием пообщаться с приехавшим из Сухума в отпуск, как все его называли, ученым. Это и неудивительно, ведь в то далекое время, а это был, примерно, 1946 год, гость из города был единственным источником новостей. Этот год и для меня стал определенной вехой, может быть, определившей всю мою последующую жизнь. Дело в том, что нашу сельскую абхазскую школу перевели, как и по всей Абхазии, на грузинский язык обучения. Проверив мои знания, дядя с ужасом обнаружил, что я ничего не знаю и принял решение с согласия моей матери перевести меня в сухумскую русскую школу. Так началась моя жизнь у дяди в Сухуми. Определил он меня в Сухумскую вторую мужскую среднюю школу им. А.С. Пушкина. Я оказался в третьем классе русской школы, абсолютно не зная русского языка. Дядя подыскал мне репетитора для обучения русскому языку. Им оказалась, – никогда ее не забуду, – пожилая замечательная учительница и человек Анна Ивановна Орынянская. За год она и, конечно же, дядя обучили меня русскому языку так, что через год, четыре класса этой школы я окончил на отлично. Моим успехам способствовал и другой фактор: мы занимали две комнаты в самом здании АбНИИ и, чтобы попасть на работу, моему дяде надо было всего-навсего пройти по коридору несколько шагов. А на первом этаже располагался читальный зал библиотеки, где я пропадал все свободное от школы время.

Однако речь не обо мне, вернемся к Ивану Андреевичу, или Герасма, как называли его в детстве. Родился он 30 апреля 1896 года в селе Бедия Самурзаканского участка в семье крестьянина. Как сын крестьянина из глухого села в дореволюционное время получил доступ к образованию и даже стал впоследствии ученым? Ответ прост – счастливое сочетание обстоятельств. В те годы в селе основал первую абхазскую школу и сам преподавал в ней известный абхазский просветитель Фома Христофорович Эшба. Он часто бывал в доме моего деда и обратил внимание на маленького Герасма. Ему понравился смысленый мальчишка и он предложил отцу, как тогда говорили, отдать сына на обучение в школу. Отец согласился и Герасма стал посещать школу. Мальчик проявил интерес к знаниям и отсюда, можно сказать, начался его сложный путь к науке. Затем, в 1905 году он поступает в Сухумскую горскую школу, потом продолжил учебу в Очамчирском вышеначальном училище, откуда поступает в приготовительный класс Эриванской учительской семинарии. Окончив в 1917 году семинарию, начинает работать учителем сначала в Адзюбжинской школе, затем преподавал в Очамчирском двухклассном нормальном училище. В 1920 году Иван Андреевич поступает на экономический факультет Тбилисского государственного университета. Здесь застаёт его советизация Грузии и Абхазии. Молодой абхазской республике нужны были кадры и в 1921 году он по просьбе Ревкома Абхазии отзывается и направляется на работу в Очамчиры в качестве заведующего отделом народного образования. Затем, в числе других студентов, получивших стипендию, возвращается в Тбилиси и в 1924 году заканчивает учебу в институте. После института он работает по специальности в Наркомфине Абхазской АССР на разных должностях до октября 1938 года. Затем в его жизни происходит резкая перемена, – он переходит на работу в Абхазский научно- исследовательский институт. Сам он объясняет это в автобиографии такими словами: «вопросы изучения производительных сил Абхазской АССР и этнографии Абхазии меня интересовали еще в студенческие годы». В 1949 году Иван Андреевич назначается заместителем директора по научной части Абхазского государственного музея, а в 1958 он снова возвращается в АбНИИ в качестве старшего научного сотрудника отдела истории и этнографии. На этой должности он проработал до конца своей жизни.

На фото: Иван Аджинджал

Автограф Ивана Аджинджал

Занявшись наукой в 42 года, Иван Андреевич успел сделать немало. Кроме монографии «Жилища абхазов», за которую ему в 1950 году была присуждена ученая степень кандидата исторических наук, им было написано множество научных работ, из которых большая часть осталась ненапечатанной. Рукописное наследие ученого, хранившееся в архиве Абхазского института, сгорело вместе с институтом, подожженным грузинскими оккупантами во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг.

Я не собираюсь касаться его научных работ, тем более давать им оценку. О них сказано в «Абхазском биографическом словаре», изданном АБИГИ в 2015 году. Но мне было приятно увидеть в научном исследовании В.Г. Ардзинба «К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов)» ссылки на труд Ивана Андреевича «Кузнечное ремесло и культ кузни у абхазов». Там же В.Г. Ардзинба называет его замечательным абхазским этнографом.

Я хорошо помню, как Иван Андреевич работал. После возвращения из частых командировок по районам Абхазии его рабочий стол буквально заполнялся аккуратно исписанными листами бумаги. Он по многу раз мог переписывать одно и то же после правок.

Никакой пишущей машинки у него не было, все писалось от руки, а почерк его напоминал каллиграфию, он обладал искусством писать четко и красиво. Даже записывая беседу с кем-то в полевых условиях, когда приходилось спешить, он все равно умудрялся следовать своей манере письма. Даже тогда, будучи подростком, я удивлялся его работоспособности. Достигал всего он великим трудом.

О том, что Иван Андреевич писал какие-то заметки в первую абхазскую газету «Апсны», издававшейся с 1919 по 1921 год, мне стало известно только после выхода в свет в 2006 году сборника почти всех номеров газеты, составителем, автором предисловия которого является кандидат филологических наук В.Ш. Авидзба. Печатался Иван Андреевич в газете как под своим именем, так и под псевдонимами. Особенно часто встречаются публикации, подписанные псевдонимом «Джон». С этим псевдонимом связана одна интересная ошибка, о которой в предисловии рассказывает В.Ш. Авидзба. Полагая, что «Джон» – это один из псевдонимов редактора газеты Д.И. Гулиа, публикации под этим псевдонимом были включены в сборник произведений писателя. И только после того, как был найден экземпляр газеты «Апсны», № 15 за 1920 год, выяснилось, что псевдоним «Джон» на самом деле принадлежит И.А. Аджинджал. Дело в том, что в этом номере газеты было опубликовано сообщение о том, что за две недели до Пасхи из Очамчиры привезен и заключен в сухумскую тюрьму сроком на 5 месяцев Г. Джинджал (Герасма Аджинджал), писавший в нашу газету под псевдонимом «Джон». Таким образом, сама газета восстановила истину. Конечно, публикации Ивана Андреевича касались в основном вопросов образования, развития абхазского языка. Начало выпуска газеты на абхазском языке он воспринял как новую возможность для расширения сферы применения и развития абхазского языка. В газете были опубликованы его этнографические заметки и многое другое. Расскажу об одной его любопытной заметке под названием «Случай в Кодорском уезде», опубликованной в № 27 от 1 октября 1919 года. В ней рассказывается о том, что пятеро вооруженных злоумышленников совершили нападение на село Джгерда, ограбили многих жителей. В связи с этим Н.А. Лакоба, недавно назначенный начальником милиции Кодорского уезда, вместе со своими людьми, оперативно, в течение трех дней, раскрыл преступление, задержал преступников и вернул пострадавшим похищенное. Среди грабителей, сообщает

газета, трое были мегрельцами из села Кочара, четвертый – некий Маршан из села Цхинцкар, а пятый – турок. В этой заметке речь идет о Несторе Аполлоновиче Лакоба, который до того, как стать председателем Совнаркома Абхазии, короткое время, при меньшевиках, работал начальником милиции Кодорского уезда.

Иван Андреевич Аджинджал относится к старшему поколению абхазских этнографов, которым довелось жить и работать в сложный для Абхазии период. Можно представить себе, какие препятствия надо было преодолевать, чтобы сказать правду об абхазах, их истории, ведь грузинскими властями и грузинскими учеными насаждалось представление об абхазах как о каком-то грузинском племени. Не потому ли исчезло серьезное исследование Ивана Андреевича об Абхазии «Край больших возможностей», написанное им еще будучи студентом Тбилисского государственного политехнического института. Он часто выражал сожаление по этому поводу.

Иван Андреевич ушел из жизни в 1963 году, не оставив прямых наследников. У них с супругой, Софьей Михайловной Дзяпшипа не было детей.

Запомнил я дядю как человека чрезвычайно трудолюбивого, честного, справедливого, отзывчивого и внимательного, а самое главное – не избалованного судьбой.

ВЛАДИМИР ЗАНТАРИА

«ДНЕВНИКИ» Б.В. ШИНКУБА: СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОБЫТИЙ

В 2020 г. в Абхазском государственном издательстве отдельной книгой вышли (на абхазском языке) «Дневники» выдающегося абхазского поэта, прозаика, академика, политика (парламентария) Баграта Васильевича Шинкуба, долгие годы являвшегося Председателем Президиума Верховного Совета Абхазии. В книге достаточно подробно описаны знаковые события, к которым крупный представитель абхазской словесности, один из влиятельных лидеров национально-освободительного движения имел непосредственное отношение.

Автор дневников обозначил временные рамки воссозданной хроники 11-летним периодом: начиная с 1967 по 1978 гг. Воспоминания содержат не мало редкой и ценной для историков и политологов информации, в частности, о протокольных и непротокольных встречах абхазского писателя и политика с А. Косыгиным, А. Кириленко, И. Капитоновым, Ф. Кулаковым, А. Шелепиным, К. Мазуровым, В. Бровиковым, Г. Колбиным и др. Не могут не вызвать определенного интереса личные впечатления народного поэта и государственного деятеля от встреч и общения с Президентом Финляндии Урхо Кекконеном (встреча происходила в присутствии А. Косыгина, В. Кобахия, Г. Джавахишвили) в Пицунде, на госдаче. В дневниках детально описаны протокольные встречи Б.В. Шинкуба с Королем Афганистана Мухамедом Захир-Шахом, называвшим себя «наместником Аллаха, поборником истинной веры Ислама». Встречи происходили 10–13 июня 1968 г. в Сухуме и в Пицунде. Свита Афганского Короля, судя по воспоминаниям Б. Шинкуба, состояла из 60 человек. «Зачем ему такая рать? Такое у меня предчувствие, что гостя ждет недобрая участь...» И в самом деле, предчувствие абхазского классика оправдалось: в 1973 г. падишах Афганистана, восседавший 40 лет на троне Короля, через пять лет будет свергнут его двоюродным братом.

Баграт Шинкуба: «В этот день я впервые увидел Нестора Лакоба...»

Книга также содержит несколько ценных воспоминаний, связанных с личностью выдающегося государственного деятеля, первого председателя правительства Абхазии Нестора Лакоба, отравленного в

Тбилиси Лаврентием Берия 27 декабря (умер 28 декабря) 1936 г.

Одним из таких эпизодов в «Дневниках» отмечен 29 января 1970 г. Здесь классик абхазской литературы подробно повествует о некоторых интересных событиях 1928 г. Было это в июле, будущий поэт вместе с матерью, дядей по отцу Гвагвой (Гэагэа) и соседом Куататом Сангулиа (учившимся в Сухумском педагогическом техникуме) прибыли на арбе в Сухум. Добирались они из с. Члоу, откуда везли кукурузу на рынок. Автор дневников пишет, что ночевала его родня в Синопе, под большими соснами. На второй день достаточно быстро продал кукурузу на базаре, мать Б. Шинкуба купила на вырученные деньги кое-какие необходимые по хозяйству вещи.

«В ту ночь мы с матерью гостили у родственников, мой дядя и сосед Куатат остались в гостинице “Дом крестьянина”. На следующий день они встали рано и поторопились к себе домой...», – рассказывает Б.В. Шинкуба.

«Принимавший нас Бактор Адлейба был в близком родстве с моей матерью, он жил один в снимаемой комнате. Вечером он предложил нам с матерью прогуляться по бульвару. На обратном пути мы поравнялись с домом Нестора Лакоба. В это время напротив дома остановилась легковая машина. Оттуда вышел сам Нестор. Он был в белой блузе, затянутой абхазским ремнем. Также помню, что был он в азиатских сапогах, без головного убора. Нестор и Бактор поприветствовали друг друга. Заметив нас с матерью, Нестор поклонился нам приветливо. Затем вместе с каким-то сопровождавшим его мужчиной, он направился к дому. В этот день я впервые увидел Нестора Лакоба.

(В 1928 г. будущему классику было 11 лет. – Прим. В. З.).

«В Батуме по инициативе Нестора Лакоба было построено здание абхазской школы...»

Эти воспоминания датированы в дневниках 15 февраля 1970 г. и связаны с пребыванием абхазской правительственной делегации в Аджарской АССР. Баграт Шинкуба принимал участие в слете передовиков сельского хозяйства в г. Батуме. В дневниках он сетует на бессмысленность этой поездки...

Затем делится впечатлениями от наблюдений с пограничного населенного пункта Сарпи, откуда достаточно отчетливо просматриваются турецкие горы. Они напомнили ему трагические страницы махаджирства, места усеянные трупами несчастных аб-

хазских изгнанников, пожираемыми кровожадными стервятниками... Замечу, что Б.Шинкуба в то время был погружен в работу над выдающимся историческим романом «Последний из ушедших» («Ацынтэарах»). Находясь на приграничной с Турцией территории поэт невольно предается размышлениям о судьбе своего прадеда Азнаура, его жены и двух дочерей, которых высадили с турецкого корабля на берег неподалеку от Самсуна. Старик и старушка умерли от брюшного тифа, девочки пропали без вести... Младший брат деда Баграта – Шахан смог вернуться в Абхазию, однако после таких мук и страданий, он жил не долго... В «Дневниках» грустным мыслям о той страшной эпохе посвящено не мало пронзительных строк.. Затем писатель пишет о том, что в окрестностях Батума и сейчас живут потомки махаджиров... «Пока они абхазы, общаются на абхазском... но что с ними будет потом?» – задается вопросом автор дневников.

* * *

Далее следуют воспоминания о печально памятном 1937 годе. Воспоминания, переполнены глубокими впечатлениями молодого поэта, входившего в творческую делегацию в связи с литературным фестивалем в Грузии.

«В июне 1937 г. в Грузии проходили вечера абхазской литературы... По запланированному маршруту мы побывали в Тбилиси, Кутаиси и Цхинвале. Оттуда прибыли в Батум. Возглавлял делегацию наш видный национальный писатель Самсон Чанба. Мне было 20 лет. Здесь вечер абхазской литературы прошел достаточно масштабно. Аудитория состояла преимущественно из абхазов. Как только началось собрание, к С. Чанба подошли двое абхазских старцев. Один из них, если не подводит память, по фамилии Агрба. Они поставили перед С. Чанба вопрос об открытии в Батуме абхазской школы. По их информации, благодаря Н. Лакоба в Батуме в свое время был возведено здание абхазской школы. По-всей вероятности С. Чанба был осведомлен об истории этой школы. Видно было, что он был немного взволнован и не мог открыто и однозначно ответить на вопрос батумских абхазов почтенного возраста. «Что же с ним случилось? Почему он не смог внятно ответить старикам?»- думал я и с некоторой досадой глядел на С. Чанба. Откуда мне, чудаку, могло быть известно, что на абхазский народ начинали обрушиваться чудо-

вишные злодеяния, сфабрикованные Берия. Наверное, Самсону Чанба виднее было все это... С тех пор прошло 33 года. Больше ни разу не возникал вопрос открытия абхазской школы в Батуме. И перед нынешним правительством Абхазской АССР никто этот вопрос не ставил. А если бы даже поступило такое обращение, убежден, мы не смогли бы удовлетворить его...» Такова история несостоявшейся абхазской школы в Батуме, основу которой закладывал Нестор Лакоба.

Афонская встреча с непотопляемым Микояном

На мой взгляд, с точки зрения размышлений о Сталине и сталинизме, вызывает особый интерес приватная беседа Б. Шинкуба с А. Микояном, которому в свое время посвятили знаменитый каламбур: «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». Встреча с глазу на глаз проходила 21 сентября 1970 г. в Новом Афоне, на госдаче. Судя по дневниковым записям абхазского классика, Микоян приехал в Абхазию с полным чемоданом документов, чтобы продолжить работу над мемуарами, вышедшими позже под названием «Так было», и вызвавшими довольно противоречивые, в том числе и весьма остроумные критические замечания и отклики.

В беседе с Б.В. Шинкуба бывший кремлевский «долгожитель» делился своими взглядами на те или иные политические коллизии, к которым прямо или косвенно были причастны Сталин, Зиновьев, Каменев, Орджоникидзе, Жуков, Ворошилов, Баграмян, Киров, Каганович, Берия и др. Но воспоминания об афонской беседе с Микояном Шинкуба завершает мыслями, подтверждающими моменты предвзятости гибкого и изворотливого политика: «Мог ли человек, переживший все эти передряги, остаться совершенно неповинным ни в чем? Увы, ни в чем А.И. Микоян не намекнул хоть на какую-то долю собственной вины...»

Отголоски абхазской революции 1978 г.

Достаточно привлекательны эпизоды и нюансы, описанные в «Дневниках» Б. Шинкуба в связи абхазскими народными волнениями 1978 г. Здесь он подробно рассказывает о том, как на бюро обкома партии не могли определиться с человеком, который откроет митинг, на площади Ленина, где по поручению Кремля с речью перед многотысячным народом должен выступить секретарь ЦК КПСС И. Капитонов. Почувствовав нерешительность чиновников, Баграт Васильевич по собственной инициативе взял на себя эту миссию. Усло-

вились, что, открыв митинг, он предоставит слово сначала Шеварднадзе, а затем – Капитонову. Предполагалось, что на этом митинг будет завершен. Шинкуба пишет: «На площади теснилось столько народу, что и пальца не просунешь... Разглядев людей на близком расстоянии, заметил, сколько гнева было в их глазах...»

Далее автор дневников повествует о том, как он пригласил к микрофону сначала Капитонова (вопреки предварительным договоренностям в обкоме).

Далее цитирую самого Шинкуба: «Мы же договорились... не я должен сейчас выступить...» – обратился ко мне он (Капитонов. – В. 3.) как бы вполголоса... «Ошибся!» – ответил я ему. Хотя никакой ошибки не было, я поступил так умышленно, ибо, если бы я предоставил в начале слово Шеварднадзе, ему бы не дали говорить, и наше собрание могло стать неуправляемым, и вряд ли мы могли обуздать накал страстей разгневанного и обозленного народа...» Далее в «Дневниках» отмечено, что выступил Капитонов, повторив то, о чем он говорил и на бюро обкома (и что его речь опубликована в газетах).

Затем Шинкуба дает слово Шеварднадзе... Однако атмосфера была настолько накалена, что его речь была прервана... На площади начался переполох... Раздавались голоса возмущенных до предела... Автор дневников пишет далее о том, как Шеварднадзе и его тбилисская свита вместе с Капитоновым помчались в сторону Синопа...

Владимир Бровиков, вникающий в суть конфликта...

Думаю, для специалистов, исследующих историю и предысторию событий 1977-1978 гг. представляют документальную ценность достаточно обширные описания личных встреч и бесед Б.В. Шинкуба с В.И. Бровиковым, непосредственно координировавшим ситуацию в Абхазии по заданию первых лиц бывшей советской державы. Как известно, он занимал после абхазских событий высокие должности 2-го секретаря ЦК Белоруссии и председателя Совмина Белорусской ССР (1978–1983). Может быть это повышение за определенный вклад во временное урегулирование грузино-абхазского конфликта?

Примечательно, что, будучи членом ЦК и послом СССР в Польше, первым и тогда единственным, на февральском и мартовском (1990 г.) пленумах ЦК, Бровиков открыто выступил против Горбачева, перестройки и потребовал его отставки.

* * *

По воспоминаниям Б.В. Шинкуба Бровиков в ходе развития тогдашних событий в Абхазии понемногу начал разбираться в их причинно-следственных связях и мотивациях, стараясь объективно анализировать информацию, которую он получал как с грузинской, так и с абхазской стороны. «Он не избегает встреч и общения с нами, не дистанцируется от нас, ездит с нами...» Так, касаясь выступления Бровикова на Лыхненском сходе 1978 г., Баграт Васильевич оценивает его слова, как взвешенные, выдержанные в достаточно конструктивной тональности. Автор «Дневников» также весьма скупо сообщает о застольной беседе в с. Члоу, в доме Джумки Шинкуба, в которой принимали участие первый секретарь обкома Б. Адлейба, В. Бровиков, Г. Колбин и др. чиновники, выполнявшие указания Москвы. В своих «Дневниках» Б.В. Шинкуба подчеркивает, что с тех пор как погиб Нестор Лакоба нам не удавалось довести полноценную информацию хотя бы до одного из влиятельных руководителей советского государства. А те докладные, что ложились на стол политической элиты в те годы, были направлены против абхазов. «Сейчас я вижу, что информация, посылаемая нашим гостем Бровиковым, беспрепятственно попадает к тем, кому положено. Значит, он должен по возможности глубже вникнуть в суть проблем и трудностей, переживаемых Абхазией. Мы с ним ездим вместе постоянно. Побывали в Гагре, Гудауте, Лыхны, Очамчыре, др. городах и селах. Садимся в одну машину, беседуем открыто, никто нам не мешает. Я все время беру с собой свою особую папку. Можно образно назвать ее «черной книгой». В этой папке лежат документы о невинных жертвах 1937 г., о насильственном внедрении грузинского алфавита, о закрытии абхазских школ, текст письма, подписанного мной, Г. Дзидзария, К. Шакрылом и отправленного в ЦК ВКП (б) в 1947 г.» В этой папке имелись также материалы, свидетельствовавшие о запрете понятия «абхазский народ», о беззакониях в сфере топонимики, о том, как в течение суток были переименованы на грузинский лад названия исконно абхазских земель...

Глава советского правительства, равнодушный к истории и культуре Абхазии

В воспоминаниях о А.Н. Косыгине, Баграт Шинкуба, отмечая компетентность главы советского правительства в экономических и хозяйственных вопросах, не скрывает своего недовольства его рав-

нодушием к политическим проблемам, тревожащим народ Абхазии, к кадровым вопросам, к развитию культуры малочисленного абхазского этноса, к вопросам межнациональных отношений. «Он не поинтересовался ни одним историческим памятником...» Б. Шинкуба пишет, что сопровождал высокопоставленного чиновника более 5–6 часов. И все время гость интересовался надоем молока, стоимостью килограмма табака, цитрусами и т.д. Автор дневников рассказывает, что А.Н. Косыгин уже третий раз посещает колхоз «Ахали Сопели» (Гудаутский район), долго беседует с председателем колхоза Гогоберишвили. Затем в Сухуме он знакомился с производством на Сухумском табачно-ферментационном заводе. На вопросы Председателя Президиума Верховного Совета Б.В. Шинкуба относительно прекращения промышленной рубки абхазских лесов, завершения строительства дома правительства, превратившегося в долгострой, Предсовмина СССР отвечал сухо, неопределенно, как на нечто второстепенное.

Откровения члена Политбюро

Судя по дневникам, больше внимания экономическим и политическим проблемам Абхазии уделяли члены Политбюро Кулаков и Шелепин... Последний в беседе с Б. Шинкуба и В. Кобахия, П. Гиладшвили и др., вдруг заявил, что «автономные республики должны быть преобразованы в союзные республики...» При этом, Шелепин говорил об этом, как о своем личном мнении, добавив, что эта мысль принадлежит В.И. Ленину. Однако на вопрос Б.В. Шинкуба, «а кто мешает ее претворению?», предпочел отмолчаться, как бы погружившись в раздумья и, после некоторой паузы, поинтересовался последствиями недавних громких политических событий в Абхазии. Во время застолья в ресторане в с. Мархиаул, в присутствии В.О. Кобахия, Шелепин делился своими приятными впечатлениями о повести Б. Шинкуба «Возвращение Чанты», опубликованной в «Новом мире». Правда, судя по дневникам народного поэта, члена Политбюро смущало, что «такая хорошая повесть» появилась в «Новом мире»... «А другие журналы не напечатали бы...» – отвечал ему классик... Таковы эпизоды, связанные с пребыванием в Абхазии одного из кремлевских вождей, которого сначала прочли в Генсеки, а потом, в результате скрытых кремлевских интриг и перипетий борьбы за власть, Брежнев сместил на номинальную должность руководителя ВЦСПС.

К завершению застолья, А.Н. Шелепин вновь вернулся к политическим вопросам, заявив, что «мы почти не занимаемся национальным вопросом и что этот важнейший участок у нас заброшен... и если дальше так продолжится наше государство может развалиться!..»

После отъезда чл. Политбюро, его политические откровения натолкнули Шинкуба на следующие мысли, нашедшие краткое отражение в дневниках: «Никто из руководителей, приезжающих оттуда, никто не говорил с нами так открыто и откровенно. В чем же причина такой «задушевности» нашего высокого гостя? Может быть имеются разногласия среди высшего руководства? Но что решаем мы? Кто нас спросит вообще?»

Несостоявшийся диалог с А. Кириленко

На мой взгляд, достаточно важен и интересен эпизод, связанный с контактами с еще одним кремлевским царедворцем-секретарем ЦК Андреем Кириленко, часто проводившим время отпуска на госдаче в Пицунде. Шинкуба пишет в дневниках, что он не раз встречался с ним, был знаком достаточно близко. Так в записях, датированных 24 октября 1969 г., писатель отмечает, что проводил встречу с Кириленко и его супругой на оз. Рица и в Авадхаре. Было организовано застолье в соответствии с дипломатическим этикетом. Шинкуба пишет, что секретарь ЦК трижды оглашал тосты, однако произносил какие-то общие, трафаретные слова. Об Абхазии и о народе, проживающем здесь, не изрек ни слова. «Сколько было встреч, застольных бесед, он знает, что я писатель, но ни разу не вспомнил абхазскую литературу, не поинтересовался вопросами ее развития... Чем же объяснить такое безразличие?» (Шинкуба Б.В. Дневники. 1967–1978). Сухум, 2020. С. 106.)

После исторических событий 1978 г., захлестнувших всю Абхазию и взбудораживших бывшую советскую империю, перед уходом с высокой должности, Шинкуба, все-таки, решил добиться аудиенции у чл. Политбюро и попытаться, в случае согласия, подробно проинформировать о политической ситуации в Абхазии, о половинчатости решений, принятых ЦК КПСС и Совмином СССР и необходимости дачи оценки всем политическим событиям в Абхазии, начиная с 1937 г., всем невзгодам, пережитым абхазским народом. В дневниках зафиксированы тезисы и наброски вопросов, которые Б.В. Шинкуба намеревался озвучить при возможной

встрече с А.П. Кириленко тет-а-тет. Они касались и продолжающихся в отношении Абхазии беззаконий, и «превращающейся в фашизм политики дискриминации в отношении других национальностей», осуществляемой грузинским руководством. Если не ликвидировать очаги такой политики заблаговременно, то она может вылиться в вооруженное истребление негрузинского населения. Приблизительно так был обозначен спектр проблем, которые Председатель Президиума ВС Абхазии намеревался озвучить в предполагаемой пицундской беседе.

Судя по «Дневникам», история с ожидаемой встречей выдающегося национального лидера с кремлевским вельможей закончилась тем, что разговор по «В- Ч», предопределил исход ожидаемого диалога. После того как абхазский руководитель кратко проинформировал по телефону вышедшего на связь Андрея Кириленко о цели «визита», раздался категоричный ответ, напроочь отвергавший доводы об отсутствии необходимого внимания к проблемам Абхазии. Секретарь ЦК свысока напоминал о том, что не только руководители Абхазской республики, но и все коммунисты призваны и днем и ночью работать над реализацией исторического Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР... «Если бы даже Вы явились ко мне на прием, я буквально повторил бы то же самое ...» – на этом был прерван наш с ним разговор (Б.В. Шинкуба. Дневники. 1967–1978 гг.). Сухум, 2020. С. 218). «Я долго сидел в своем кабинете в недоумении. В словах Кириленко, отдававших металлом, я уловил и нотки чванливого высокомерия и неприязни, дескать: «Хватит! Довольно!» Я встал, и прошелся по кабинету...» (Там же. С. 2018).

Невообразимый замысел архитектора С. Цинцабадзе и его тбилисских кураторов

В воспоминаниях Б. Шинкуба множество фактов, связанных с экспансионистскими устремлениями Тбилисской метрополии и ее планами по дальнейшему «демографическому освоению Абхазии».

В дневниковых заметках от 7 июня 1968 г. Баграт Васильевич рассказывает о том, как ему удалось неимоверными усилиями разоблачить и воспрепятствовать реализации программы, согласно которой по проекту архитектора С. Цинцабадзе в течение 10–15 лет (до конца 1980 г.) Грузия намеревалась застроить прибрежную зону Абхазии курортными объектами, рассчитанными на 200 тыс. чело-

век. Параллельно планировалось строительство жилья для персонала, обеспечивавшего обслуживание этих 200 тыс. Тема, затронутая в книге Б. Шинкуба, весьма актуальна и сейчас, когда наше руководство настойчиво пытается навязать нам строительство 30 тыс. апартаментов, рассчитанных на 60 тыс. их владельцев.

Баграт Васильевич подробно раскрывает в своих дневниках процесс рассекречивания им этих опасных планов и обстоятельств, при которых ему удалось обнародовать документы и факты на сухумской встрече чл. бюро Абхазского обкома с первым секретарем ЦК Грузии В.П. Мжаванадзе. Воспользовавшись предоставленной трибуной, абхазский лидер разложил все по полочкам. Завершая свое выступление, Б.В. Шинкуба заявил, что если это дело не получит соответствующего реагирования со стороны высшего руководства Грузии, то он вынужден будет обратиться за поддержкой руководителей Союзных Республик. Дело приняло такой оборот, что В. Мжаванадзе после совещания в приватной беседе пообещал Председателю Президиума ВС Абхазии, что пока он будет на посту руководителя Грузии, не допустит реализации этого проекта. Разумеется, Грузия продолжала политику колонизации Абхазии и перекачки грузинского населения в нашу республику под другими предложениями по линии различных министерств и ведомств. Однако грандиозный проект натолкнулся на политическую волю и принципиальность абхазского лидера, боровшегося с косностью, начиная с 40-х годов.

Друзья по литературному цеху...

В «Дневниках» Баграта Шинкуба также описаны подробности встреч и бесед классика с такими выдающимися мастерами слова, как Шолохов, Твардовский, Симонов, Луконин, Смеляков и др. Например, застолье в маленьком абхазском селе Арасадзых Очамчирского района (в семье Ломиа), беседа с участием Твардовского, Симонова, Георгия Гулиа впервые нашли отражение не только в дневниковых заметках Баграта Васильевича, но и в воспоминаниях Александра Трифоновича («Новомирский дневник» А. Твардовского в 2-х томах). Так что, у литературоведов и исследователей эпистолярного наследия есть прекрасная возможность для сравнительной оценки одного и того же эпизода в восприятии (и интерпретации) двух выдающихся писателей. Таких малоизвестных историй в «Дневниках» Б. Шинкуба много. Причем немало эпизодов, описан-

ных в дневниках классиков с разных точек зрения.

В воспоминаниях Б. Шинкуба первым июля 1971 г. датирована встреча группы известных мастеров слова в доме Павла Антокольского в Москве. Это были своеобразные литературные посиделки с участием К. Симонова, В. Орлова, М. Бажана, М. Алигер, К. Калладзе, Б. Ахмадулиной, Л. Первомайского. Автор дневников пишет о том, что в кругу друзей свои новые стихи читали: сам Баграт Шинкуба, и Бела Ахмадулина, мастерски озвучившая ряд ярких образцов его лирики. Затем на творческом вечере отрывок из еще незавершенной собственной поэмы прочитал Антокольский, принимавший собратьев по литературному цеху тепло и радушно. Абхазский поэт отмечает, что атмосфера уникальной домашней встречи, и разговор на ней, отличались откровенностью, искренностью и беспристрастностью.

«Дневники» Б. Шинкуба могут стать серьезным документальным подспорьем в освещении сложных периодов новейшей политической истории Абхазии. Их ценность в том, что писатель раскрывает важные эпизоды, к которым он имел непосредственное отношение как писатель и политик.

ЮРИЙ ЛАКЕРБАЙ

ЭСКАДРОН ЛАКОБЫ

Слово,
 словно тропы,
 ищет продолженья.
Ветры или воды перероют склон, –
Вспыхнет конский череп
 лунным отраженьем...
И невольно молвишь слово
 «эскадрон».
А оно потянет за собою поле,
Тянет прямо к сердцу,
 словно сеть – рыбак.
И пусты амбары, и тропинки голы,
Лишь полоска сабли
 от луны ряба.
Так отряд Лакобы – взгорьем до Кубани,
Обмотав копыта, газыри храня...
Из-за поворота подлый выстрел
 грянет
В черную,
 как небо,
 голову коня.
Но они пробьются, но они вернуться
Через серый вереск
И багровый лед.
Ищет продолженья
 слово «революция»,
Против лжи и косности
 молодость идет!

А над нею знамя самой чистой пробы
И величье песни
 древней и родной.
И встает из праха
 эскадрон Лакобы
И на перевалах
 продолжает
 бой!

АЛЕКСАНДР БАРДОДЫМ

ПАМЯТИ «КИАРАЗА» И НЕСТОРА ЛАКОБЫ

На перевале стрельба и скрежет,
Мрак карабины грозою режут.
Кони заржали и косят глазом.
Пули проносятся над Киаразом.
Травы копытами в землю вбиты.
К Черному морю летят джигиты.
Сабли сверкают. Лакоба рядом.
Скоро к Сухуму придут отряды.
Солнце задумчиво на закате.
Греки орудие медленно катят.
В цепь пулеметы. Готовы сразу
Резать свинцом башлыки Киаразу.
Греки, зачем вы дома покинули?
Щурясь, фуражки на брови сдвинули?
Скоро абхазец, нахмуря брови,
Брызнет по сумеркам вашей кровью.
Головы ваши под пышным флагом
Сгинут, порубанные, по оврагам.
Город, разбуженный на рассвете.
Море, шаланды и свежий ветер.

Берег, кустарниками поросший.
Выстрелы небо на гравий крошат.

.....
.....

Полно кружиться! Для обороны,
Красный Киараз, береги патроны!
Слушай, Лакоба, поправив стремя,
– Скоро настанет другое время!
Ружей направленных пасть разинув,
Будут расстреливать вас грузины.
Солнце ослепнет, увидит зрячий
Горькие слезы в крови горячей...
Новый хозяин сумел воцариться.
Ездишь теперь отдыхать на Рицу.
Медленно дремлешь, прищутив глаз.
Слышишь, спускается с гор Киараз?
Видишь зарницы? Смотри в оба!
В город ворвался отряд Лакобы.
По мостовой, меж домов и зарев,
Дробь прокатилась, в окно ударив.
Старый пройдоха с повадкой лисьей,
Здесь не поможет тебе Тбилиси!
Прячься, скрывайся, тебя здесь нету!
Слышишь шаги к твоему кабинету?
Шпарь огородами до вокзала!
Дверь распахнулась. Пустая зала.
Нестор вошел, молодой и строгий:
«Дайте воды. Я устал с дороги...»

1988

БРАТЬЯ АИМХАА

Братья Эмхаа (Эмухвари; в исконно-абхазском варианте: Аишь-цэа Аимхаа, Емхаа) – потомки абхазских князей. Одна из наиболее активных и живучих антисоветских «банд» в Абхазии в 1922 году, потомки влиятельных абхазских князей. На её счету были десятки убитых партийных работников, сельских активистов, работников органов ГПУ и милиции. Особенность «банды» – отсутствие грабежей и разбойных нападений с целью наживы. На устах абхазского народа указанная «банда» звучала как «Эмхи». Причиной ухода братьев Аимхаа в абреки с целью мести являлось убийство их отца Омара Аимхаа.

Родом братья Аимхаа были из села Чхэартал уезда Самырзакан Абхазии. Изначально братьев Аимхаа было семеро. Имена известных из них: Хьыхэ (Хвихви) – старший, Гэьда (Гуда), Арсен – младший, дядя, - Хэаҭ (Хото) и дядя - Мэыць. Необходимо отметить, истинную причину, побудившую братьев, являвшихся традиционными абхазами, уйти в абреки, а причиной стал конфликт произошедший на свадьбе в Абхазии, когда один из подвыпивших гостей по фамилии Пачулиа сознательно оскорбил мать братьев по фамилии Лакрба (Лакербай). В ходе ссоры Пачулиа был убит младшим братом Гуда. В результате возникшего инцидента старший из братьев Хвихви, готов был сдать властям, взяв всю вину на себя. Но буквально через несколько дней к их отцу Омару Аимхаа явился начальник НКВД уезда Гал Варлам Кеҭба в сопровождении своих милиционеров. Их сопровождал родственник Омара – Раҭден Аимхаа из села Уақəым Галского уезда (Самырзакан) Абхазии. Отобедав в доме Омара они попросили его проехать в Гал для мирного решения конфликта, произошедшего днями ранее с его детьми. По дороге князь Омар Аимхаа был вероломно убит выстрелом в спину В.Кеҭба. Данное обстоятельство заставило братьев окончательно принять решение уйти в абреки и объявить войну всем тем, кто был повинен в смерти их отца. Раҭден Аимхаа сменил фамилию на Парпалиа и скрылся в Восточной Грузии.

Так началась многолетняя война братьев с Советской властью по всей Абхазии. Для их ликвидации были присланы из Москвы лучшие чекистские кадры. Лишь через девять лет братья Аимхаа были обезврежены. На предложение сдаться братья ответили отказом. Необходимо отметить, что глава правительства Абхазии Нестор Лакоба, близко общался с ними и знал истинные причины, побудившие их уйти в абреки. Известно, что сестра Эмухвари, по свидетельству ее дочери Изольды Званбая-Капба, незадолго до гибели братьев, была приглашена к Нестору, и тот пообещал, что сохранит им жизнь, если они выйдут из леса. Однако этого не случилось...

В середине 50-х годов в Москве «Воениздатом» была издана военно-приключенческая повесть писателя, полковника КГБ Бориса Соколова, называлась она «Абхазская повесть» или «Мы ещё встретимся полковник Кребс». Б.И. Соколов будучи участником всех указанных выше событий в Абхазии в 1931 г. был тяжело ранен братьями Аимхаа. Это произведение повествует о борьбе советских чекистов с иностранными спецслужбами, в частности, с английской разведкой.

И что самое примечательное, в роли агентов выступают князя – братья Аимхаа, старшему из которых Хвихви не было и 29 лет.

В 1975 году известный сухумский хирург Николай Аимхаа (Эмухвари), будучи в Москве, разыскал Бориса Соколова и задал ему вопрос: «Что побудило его так исказить историю о братьях Аимхаа?» На что Борис Соколов ответил: «Доля вымысла (художественного) в этом произведении велика, но причиной тому стал заказ военного издательства КГБ и Министерства обороны СССР, так как личностный конфликт братьев Аимхаа перерос в непримиримую борьбу с Советской властью в Абхазии. И в эту борьбу было вовлечено огромное количество сотрудников НКВД и ОГПУ как из Тбилиси, так и из Москвы. Многие из них пали от рук братьев. Но самое главное: популярность братьев Аимхаа была столь велика в народе, что позволяла им находить приют и убежище в любой точке Абхазии. И это продолжалось на протяжении девяти лет. Все это пугало власть. Даже после ликвидации братьев долгие годы добрая молва о них гремела по всей Абхазии. И тогда было принято решение развенчать братьев, лишить их ореола „народных мстителей“ и сделать «агентами» иностранной разведки. В этих целях и появилось литературное остросюжетное, приключенческое произведение

Младший брат Эмухвари Гуда, убит в 1931 в с. Гуп

с политическим подтекстом». Что и было сделано.

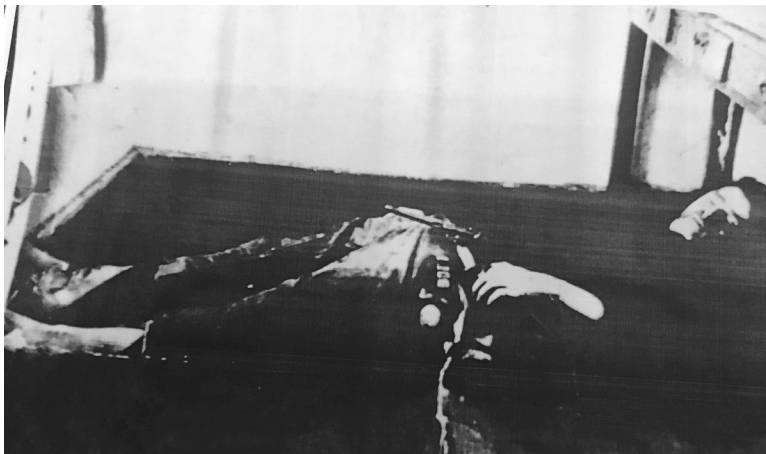
Образ братьев Аимхаа нашел свое отражение в историко-революционном фильме «Колокол священной кузни» 1982 года (по сценарию Шалоди Аджинджал), в котором говорится о событиях первых революционных лет в Абхазии, когда Советская власть укрепляла свои позиции на Кавказе.

Подробно об этой операции было сказано в газете «Пограничник Грузии» (7 ноября 1943 г.). В заметке сообщалось: «Лето 1931 года. Командир отделения Артем Терезюк 36-го Сухумского пограничного отряда (ССР Абхазия) возглавил группу красноармейцев и сельских активистов во время ликвидации бандотряда братьев князей Эмухвари в селении Гупы. В ходе боя бандотряд, за исключением сбежавшего старшего брата Эмухвари, был разгромлен. Особо отличились красноармейцы Месенков, Линин, Болтунов, пулеметчик Гусев. Вскоре в селении Мокви группа краскома[красного командира] Нефедова в перестрелке уничтожила и главаря бандотряда».

Muhus

Два брата Эмухвари, 1931 г.

Эмухвари, убитый в 1931 г.

АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ГРЭМ ГРИН – В СУХУМЕ (сентябрь 1986 г.)

На первом фото: в Сухумском обезьяньем питомнике. Г. Грин, акад. Б. Лапин; на втором – в Литературно-мемориальном музее Д.И. Гулиа. Г. Грин – в центре, слева от него – Владимир Зантария, справа – Татьяна Дмитриевна Гулиа, Вианор Пачулиа.

Фото Сергея Эшба

ЮБИЛЕИ 2024 ГОДА

5 мая исполнилось бы 80 лет **Людмиле Владимировне Маля** (1944–2023) – первому директору Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба (с 1983 г. до конца жизни), кавалеру ордена «Ахьдз-апша» III степени.

На фото: Л.В. Маля

15 мая исполнилось бы 95 лет **Вианору Панджовичу Пачулиа** (1929–1988) – историку, рекреологу, пропагандисту историко-культурного наследия Абхазии и прилегающих районов Восточного Причерноморья, заслуженный деятель культуры Абхазской АССР.

На фото: надгробный памятник В.П. Пачулиа. Скульптор: Г.З. Лакоба

8 декабря исполнится 140 лет **Симону Петровичу Басария** (1884–1942) – абхазскому политическому и общественному деятелю, педагогу, краеведу, публицисту, первому председателю Абхазского народного совета (1917–1918).

На фото: С.П. Басария

31 декабря исполнится 130 лет **Николаю Николаевичу Акиртава** (1894–1937) – абхазскому советскому государственному и партийному деятелю.

На фото: Н. Акиртава

ОБ АЛИКЕ БГАЖБА

На 84-м году, в день археолога, 15 августа 2024 г. скончался академик Олег Хухутович Бгажба, учредитель Фонда «Абхазское историческое общество», посвятивший всю свою жизнь исторической науке. Не будем перечислять все его регалии, достижения и работы – об этом достаточно много сказано.

Более четверти века он возглавлял отдел истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. Гулия, был профессором Абхазского госуниверситета. За эти десятилетия он воспитал целую плеяду молодых историков и археологов, был соавтором учебного пособия «История Абхазии» (1991) и учебника – «История Абхазии с древнейших времен до наших дней» (1996, 1997, 2015). Можно с уверенностью сказать, что ему в послевоенное время удалось восстановить кадровый потенциал историков и археологов, а его ученики успешно защитили кандидатские и докторские диссертации.

Еще совсем недавно вместе с археологами, Алик, как называли его друзья и близкие, поднимался на Анакопийскую крепость, любовался, с вершины столицы Абхазского царства, живописной панорамой моря и Ново-Афонского монастыря.

Он обладал фундаментальными знаниями, был жизнерадостным и добрым человеком, обладал природным даром наставника и посмеивался над некоторыми дилетантами от исторической науки.

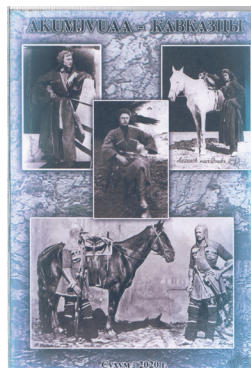
Алик – истинный сухумец. О таких, как он, поэт сказал: «У меня в душе ни одного седого волоса».

Таким он и запомнится...

Фонд «Абхазское историческое общество» (АИО)

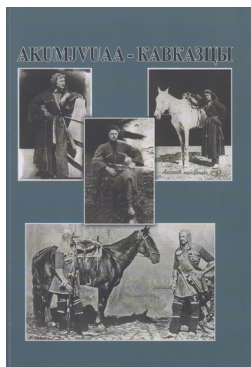
Кавказцы: Люди в черкесках / Сост. Р.Х. Агуажба. Сухум, 2017–2024. Вып. 1–45.

Сборники разного рода текстов, посвященных Абхазии и Кавказу в целом, составленных Р.Х. Агуажба. Выходят с 2017 г.; к настоящему времени издано 45 выпусков.

Кавказцы: Люди в черкесках / Сост. Р.Х. Агуажба. Часть I. – Сухум, 2022. – 556 с.

Сборник различного рода текстов, посвященных Абхазии, составленных Р.Х. Агуажба. В первый том вошли выпуски I–IV одноименных сборников, выходящих с 2017 г.

Ашхацава С.М. Избранные труды / Сост. и автор предисловия Р.Х. Агуажба. – Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА, 2019. – 304 с.

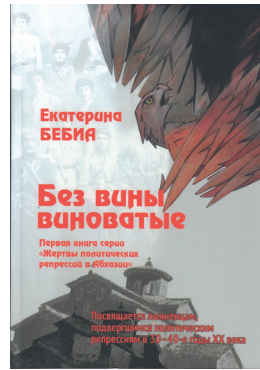
В сборник вошли избранные труды известного абхазского историка и государственного деятеля Семена Михайловича Ашхацава (1886–1943). Жанровое разнообразие представленных материалов свидетельствует о широте профессиональных и творческих устремлений автора, о его вкладе в развитие исторического знания и общественной мысли Абхазии. Издание рассчитано на историков, краеведов и широкий круг читателей.

Бебиа Е. Г. Без вины виноватые. Посвящается жителям и выходцам из села Лыхны Гудаутского района Абхазии, подвергшимся политическим репрессиям в 30–40-е гг. XX века). – Сухум – Краснодар, 2021. – 424 с.

Первая книга серии «Жертвы политических репрессий в Абхазии». В предлагаемой монографии доктора филологических наук, профессора Абхазского государственного университета, публициста, писателя Е. Г. Бебиа, написанной на основе архивных источников, воспоминаний и личных свидетельств людей, подвергшихся репрессиям, представлена подлинная картина жизни в Абхазии в годы репрессий, затронувших все слои населения многонациональной республики. Монография возвращает нас к страшным реалиям сталинского времени, демонстрирует подлинные факты бесчеловечного обращения с невинными людьми, вынужденными мириться с несправедливостью, с безумием надуманных приговоров.

Книга, написанная как научный труд, адресована широкому кругу читателей.

Бебиа Е.Г. Из забвения – в бессмертие. Посвящается жителям и выходцам из сел Дурипш, Куланьрхуа, Ачандара Гудаутского района и Тамыш, Кутол, Джгярда, Гуада Очамчёрского района Абхазии, подвергшимся политическим репрессиям в 30–40-е годы XX века. – Сухум – Краснодар, 2022. – 632 с.

Вторая книга серии «Жертвы политических репрессий в Абхазии» – «Из забвения – в бессмертие», посвященная репрессированным из сел Дурипш, Куланьрхуа, Ачандара Гудаутского района и Тамыш, Кутол, Джгярда, Гуада Очамчёрского района, также написана на основе архивных источников, воспоминаний и личных свидетельств участников, очевидцев событий тех лет и их потомков. В описываемый период из вышеперечисленных сел были репрессированы 193 человека, из которых не вернулись домой 139. Многолетнее иссле-

дование Е. Бебиа позволило определить число пострадавших семей и отдельных личностей, проанализировать масштабы трагедии, затронувшей все многонациональное население Абхазии. Беспощадно расправлялись палачи с лучшими представителями своего времени. Книга познакомит вас с судьбами репрессированных из семи сел Абхазии, узнаете, какими сильными и нестигаемыми они проявили себя в страшный час.

Редкие книги об Абхазии. Выпуск III /
Сост. А.Я. Дбар, А.С. Керопян. – Сухум,
2024. – 500 с

Сборник «Редкие книги об Абхазии» (вып. III) состоит из девяти книг и брошюр, изданных в дореволюционные годы в Российской империи и посвященных Новому Афону. Эти малоизвестные книги и брошюры не переиздавались и представляют интерес, как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей.

Агумаа А.С. Сухумь: Очерки по истории и архитектуре города (кон. XIX — нач. XX вв.). –
Сухум, 2023. – 552 стр., илл. 525.

Предлагаемая читателю книга – результат кропотливого сбора архивных документов и публикаций. В центре внимания автора – жизнь города конца XIX – начала XX века. В книге описана история более сотни зданий Сухума – объектов градостроительства города, в основном гражданской архитектуры. Автор касается темы архитектурных стилей, знакомит с создателями и пользователями городской архитектуры. Книга с уникальным материалом, подкрепленная архивными источниками и фотографиями, может стать основой для дальнейшего исследования истории города. Предназначена для широкого круга читателей, историков, архитекторов, студентов, журналистов и просто любителей истории Абхазии, в частности Сухума.

